

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

ПОЛЕТ
ФАНТАЗИИ
СБОРНИК РАССКАЗОВ

Оглавление

О КНИГЕ.....	4
Вдоль по Кировной.....	7
Границы реальности.....	12
Мастер своего дела	19
Вечный бег вперед	26
Свет в окне	33
Всеволод Панарин	40
История вопроса	49
Любовь к женщине.....	56
Полет фантазии.....	63
Просто жить	69
Поворот судьбы	76
Просветление	85
Вымышленный герой	90
Стремление к красоте.....	96
Решимость жить	102
Чудак-человек.....	108
Теория	115
Минута слабости	124

Хозяин судьбы.....	130
Стремление к истине	137
Покорение пути.....	142
Успешность.....	148
Солнышко.....	156
Кукла.....	161

© 2014 –

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

О книге.

СБОРНИК РАССКАЗОВ

С.А.

Зелинский

Полет

фантазии

СБ.РАССКАЗОВ

Altaspera

CANADA

2014

С. А. Зелинский
Полет фантазии

С. А. Зелинский.

Полет фантазии. Сборник рассказов.—
CANADA.: Altaspera Publishing & Literary Agency
Inc, 2014. — 150 с.

ISBN 9781312344631

© ALTASPERA PUBLISHING & LITERARY
AGENCY

© Зелинский С. А., 2014

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть
данной книги не может быть воспроизведена в
какой бы то ни было форме без письменного
разрешения владельцев авторских прав.

Полет фантазии. Сборник рассказов.

рассказ

Вдоль по Кирочной

1

Он не думал о том, что должно было получиться.

И прежде всего Владимир Девяткин был нацелен на движение вперед и как бы уже сопутствующий этому движению успех. Причем, совсем пока рано было говорить, к какому успеху Девяткин стремился. Можно было предположить, что у него и вовсе было какое-то свое (и непременно особое, как сказал бы кто из знакомых его) видение такого успеха. И уже словно совсем не важно, что это было на самом деле. Для Девяткина важно: 1) иметь всегда свое видение мира; 2) уловить размещение подобного в собственной психике (закрепление подобного), дабы после...

...построить жизнь по-другому, например.

Но если бы вы спросили его, действительно ли он желает, чтобы произошло так, Девяткин бы не согласился. Хотя и тоже верно, что раздумывал бы он недолго. И даже после первого несогласия признался бы, вскоре, что осознает вину. Потому как правду узнать он всегда хотел. А то, что не согласился сразу... Ну, так мало ли что в его жизни происходило по глупости, или по пьянке.

.....

Но на самом деле, с недавних пор все это было не главное.

Виктор Девяткин сам не представлял, до каких высот будет стремиться еще его сознание. И явно было заметно, что он

не стремился ограничивать себя ни в чем. При том что от природы был человеком скромным. Работал экономистом в плановом отделе одного из небольших коммерческих предприятий города. Жизнь вел большей частью замкнутую. Разве что иногда на него находило - и тогда он кутил.

В такие моменты Девяткин заказывал экипаж, и заплатив предварительно всем и вся, неся во весь опор по Кирочной (причем, когда у этой улицы было имя русского классика - Девяткин подобного себе не позволял), что-то выкрикивая проходим, да и по всему - вел себя, по его словам, как последняя свинья. Притом что и пьян обычно бывал в такие моменты как свинья. А если и выпивал немного - вскоре догонялся соответствующим образом. После чего уже совсем невозможно было представить, что он выкинет в следующий момент. А Девяткин подобного как будто и дожидался. И кутил, и шалил, и вел себя таким безобразнейшим образом, что на утро (проспав, впрочем, до обеда) стыдился самого себя столь жутким образом, что вынужден был напиваться вновь. Уже чтобы забыть недавнее безобразие...

2

Когда Девяткин был еще юн, он пил, конечно, но как-то старался проделать подобную процедуру дома, один, и при этом - после протрезвления - очень стеснялся того, что произошло.

Теперь он стеснялся тоже. Но время между самим фактом употребления алкоголесодержащих жидкостей, опохмеления, и частичного отрезвления - весьма отдалялось. Что означало, что в само это время он позволял себе многое, а то и даже все. И только когда случаи безрассудного поведения повторялись очень-очень

часто и продолжались долго - он останавливался. Ему становилось стыдно. А когда становилось стыдно для таких как Девяткин, это могло означать лишь одно: они хотели измениться к лучшему.

К лучшему, впрочем, Девяткин не менялся. А то и наоборот - все чаще вырывалось из его души откровенное свинство. Что, впрочем, не мешало по-прошествии времени повторить пьянку.

Но не в пьянке было дело. Если бы так для него это было плохо, бросил бы Девяткин пить, не задумываясь. Тут было нечто иное. Когда Владимир пил, он тот час же попадал в другой мир. В этом мире он был главным. В этом мире он не чувствовал никаких упреков со стороны окружающих. В этом мире перед ним уже не было никаких проблем. И лишь одно только благо излучало ароматы счастья. А ему становилось очень даже легко и свободно. Причем совсем нельзя было сказать, что что-то в такие моменты было действительно плохо. Нет, ничего плохого не было. А было наоборот - только хорошо...

3

Понимая, что характером своих действий он запутывает себя, Владимир решил выработать определенную точку зрения, согласно которой мог одновременно казаться (для себя) и очень хорошим, и наоборот - плохим, а то и даже отвратительным человеком.

И трудно было сказать, что ему больше нравилось. Нет, конечно, Девяткин был, как и все мы, за исключением маргиналов, ориентирован на счастье, и стремился совершать поступки, приносящие ему исключительно удачу. Вернее, он стремился к таким поступкам.

Но это еще совсем не значило, что он мог позволить себе забыть себя другого. Потому как тот другой - это был он же, но как бы из прошлого. И этот шлейф, тянувшийся из прошлого - был на самом деле чем-то до боли близким и необходимым ему. И даже можно сказать (факт, между прочим, весьма примечательный) - это состояние являлось неким передаточным звеном между ним - настоящим, и им же - но уже в прошлом.

А от прошлого, по его мнению, совсем глупо было бы отказываться.

Так же как и невозможно было, потому как вошло оно уже в архетип его психики, подпитываясь коллективным бессознательным, фактически направлявшим его дела да поступки. Ну, или дела - являющиеся продолжением поступков.

.....

И все бы вскоре стало хорошо, если бы Девяткин вдруг не почувствовал, что ему и так хорошо. Что ему совсем не надо страдать и за что-то корить себя. Что все, что происходит, имело свою удивительную закономерность и даже можно сказать, простор для дальнейших действий. А эти самые дальнейшие действия уже не вводили его в заблуждение. Одновременно помогая ему добиться всего того, чего он желал, к чему стремился, разделяя происходящие с ним события на главные и второстепенные. Причем, как бы выходило, что пока второстепенных было больше. Ну, или он не мог расчленив их, выделив главное.

.....

Прошло еще какое-то время (на протяжении всего времени Девяткин испытывал необычайный подъем в душе) и Владимир уже понимал, что нет у него иных забот, кроме как необходимости обычного наслаждения жизнью. И даже можно было сказать, что он жил этой жизнью, улавливая ту ее суть, которая была ему весьма нужна, да оправданно необходима. А если можно было задуматься над всем происходящим, то он этого уже не делал. Позволяя себе с недавних пор и вовсе весьма мало. Тогда как он уже знал, что мог себе позволить и большее.

4

Вскоре Владимир возобновил свои поездки по Кировской.

Теперь все было обставлено таким образом, что он испытывал не прекращавшийся душевный подъем от такого движения. А вся его недавняя тревога (ну или тревожность - Владимир не стал разделять подобных понятий) уходила прочь.

И уже совсем не возникало чего-то волнующего в его жизни, как только желания получения постоянного удовольствия. И удовольствие это не выходило за рамки какого-то непотребства, а лишь зиждилось в плоскости чего-то поистине доброго и положительного. И быть может даже - необходимого самому Владимиру.

.....

Владимир кутил как заправский барин начала прошлого века.

У него даже привычки выработались соответствующие. И он изменился внешне (стал расплывчив, улыбчив, вальяжен).

А потом у него кончились деньги. Потому как кутил Девяткин с продажи собственной квартиры. И как только денег не

стало, он собрал вещи и уехал в деревню. Там жили его бабка и дед. Которые не сказать, что весьма обрадовались приезду заплутавшего внука (о своих похождениях, впрочем, Владимир умалчивал, решив, что его не поймут, а скорее, поймут неправильно), но вскоре увидели в этом свою выгоду. Потому как Владимир вдруг показал себя весьма рачительным хозяином, и трудясь с утра до зари быстро завоевал расположение стариков.

А вскоре ему нашлась и невеста.

И зажил Владимир Девяткин совсем другой жизнью.

И только иногда, выходя к завалинке, он вздыхал, и думал одному ему известную думу. И в такие минуты такая грусть стояла в глазах Владимира, что казалось...

Впрочем, никто его в таких состояниях не видел. А то, что происходило в его душе, на людях было спрятано за семью печатями да замками. Да и ведь не у него одного...

Сергей Зелинский

22.11.2007 год.

рассказ

Границы реальности

Он смотрел на нее, видел ее природную силу, проступающую из всех складочек ее тела, распластанного перед ним, и искренне верил что она - именно то, что ему необходимо.

В обычных своих состояниях Семен Ковригин не верил ни во что.

Он быть может и желал поверить, да словно бы нарочно все складывалось таким образом, что веры у него не было. Как не было и желания каким-то чудодейственным образом проверить

эту веру. Потому как все это и действительно было если не ошибочно (как он считал), то что уж точно - совсем не так, как, по его мнению, должно было быть.

И все потому, что Ковригин вообще верил во что-то непонятное, и не относящееся к моменту его нахождения в настоящем, а отчасти и в прошлом. Притом что в прошлом Ковригин бывал с недавних пор часто. И только поначалу мог сказать, что испытывал от этого дискомфорт. На самом деле все казалось иначе. А если что и хотелось - радости. Может даже потаенной радости. Но ведь и ее,-- рассудил он,-- хватило бы на какой-то период времени. Чтобы после началось уже что-то иное. Может даже повторилось нечто забавное, что не раз уже случалось с ним.

Но и даже если предположить, что это может быть так, то совершенно точно, что к этому он отнесется весьма поверхностно. Беззлбно, конечно, но не заинтересовано. Хотя и где она - заинтересованность? В чем выражалась она в жизни Ковригина? Был ли он весел больше, чем печален? Нет. А в печали всегда приходит много меньше положительных эмоций, чем, может быть, где-то еще.

То, чего добивался Ковригин, он не смог бы изложить.

Но что наверняка, хотел он всегда чего-то поистине замечательного и отличного от других. Ведь верил он себе, готовясь подчиниться, если будет на то необходимость.

И не вызывала такая вера в нем каких эмоциональных сбоев. Хотя и плату за то платил Семен особую. Не разрешая себе общаться с другими людьми. Или же общаться, но делать это исключительно избирательно. И фактически сложно было сказать,

---

в чем заключалось такое общение. Потому как все равно в итоге оказывалось, что Ковригин добивался чего-то такого, чего ранее у него не было. То ли знаниями какими дополнительными запасался, то ли избегаялся от негатива, проговаривая тот, и добиваясь, чтобы уходила грусть из его души. А на какое-то время ее место заполняла радость от предчувствия чего-то замечательного и давно ожидаемого.

То, что это в большинстве случаев была иллюзия, открывалось позже. Но уже к тому времени находилось нечто новое, что способно было предоставить Семену возможность по иному взглянуть на жизнь. А он и смотрел на нее открытыми глазами. Предпочитая не откладывать в долгий ящик то, что можно было сделать сразу. Сразу и навсегда. Казалось, навсегда. Хотя вечного почти не существует. И Ковригин, зная это, оставался тем самым, сам себе на уме. Понимая, что это, быть может, и есть путь выживания. Ну, или как минимум, один из путей.

Когда Семен Ковригин был еще сравнительно молод (двадцать лет назад ему было тридцать), он стремился все больше достигнуть какой-то особой справедливости в отношении с жизнью, и с теми, кто окружал его в этой жизни. Тогда как сейчас он был уже не столь наивен. И даже можно предположить, что как будто только что-то недавнее изменилось в его сознании. Ну, или же только недавно он стал отдавать в том отчет.

И уже как бы то ни было, но сейчас Ковригин вдруг понял, что от каких-либо стремлений даже в его недалеком прошлом уже ничего не осталось. Что перед ним словно бы

неожиданно открылась запретная дверь, а он умудрился в нее нырнуть, да еще и захлопнуть ее за собой.

И что должно было произойти теперь, он не знал. Как и не ведал, что вообще происходит сейчас.

И словно бы стал жить в ожидании этой неизвестности. Когда перед ним или могла вновь приоткрыться какая лазейка, а могло все как минимум - остаться по-прежнему. Причем сам Ковригин пока затруднился бы ответить на вопрос, чего бы он на самом деле больше желал. И это притом, что желал он всегда максимально много. Но как-то путался в границах этого многого. Принимая, иной раз, за многое то ничтожно малое, что было и так отмерено ему. А то уже как бы и наоборот, путаясь в простейших вычислениях и после, отмахиваясь от того, что может и было ему необходимо.

Но вот было ли?

Вопрос.

Вечный вопрос, на который, как назло, находились все время ответы, противоречивый характер которых Ковригин, конечно, угадывал, да не всегда. Не всегда.

В своих отношениях с женщинами Семен Ковригин совсем скоро нашел то, что, как ему казалось, было больше всего и нужно. Ну, то есть, общение само собой сводилось к общению половому, которому давал Ковригин самую высокую оценку, потому как эффекта, извлекаемого от подобного общения, ему хватало на достаточно длительный срок. Но вот сама прелюдия Ковригиным иной раз вполне сознательно затягивалась. И только для того, чтобы после извлечь максимальную выгоду от такого общения. Ведь для него всегда было важно не просто обладать

женщиной, а обставить все таким образом, чтобы женщина трепетала от возможности общения с ним. Притом что внешне Ковригин не был особо примечателен, мал ростом, даже немного страшноват. Но вот подкупал он чем-то, исходящим из внутри него. И излучение это оказывалось столь сильным, что на того, на кого было направлено оно, действовало беспронимательно. И даже не то, что вступала в действия какая магия. Нет. Все происходило всегда по добровольному согласию, и исключительному желанию самих женщин. С которыми экспериментировал Семен Рустамович иной раз совсем невообразимым образом. Проникая в них столько раз, сколько, казалось, никто до этого...

--Может он был маг да чародей?-- задавался вопросом кто-то, анализируя тот эффект, который демонстрировал Ковригин. Но Ковригин почти всегда мог найти такие слова, от которых у этого "кого-то" тотчас же исчезало желание думать во вред Ковригину. Потому как просыпалось внезапное уважение к Семену Рустамовичу. И если это был мужчина - предпочитал он удалиться. А если таким вопросом задавалась женщина - то ей уже ничего не оставалось, как остаться, в полной мере испытывая на себе чары Ковригина.

Ковригин иногда путался со своим возрастом. Считалось, что ему около пятидесяти. При этом он откликался на середину сорока. И немного путано смотрел на вас (но смотрел), когда вы предполагали, что ему за пятьдесят.

Загадки не было. Семену Рустамовичу отчего-то нравилась цифра пятьдесят. И уже можно было предположить, что в ближайшие годы ему будет всегда ровно столько. После чего, быть может, найдет на него новая блажь. И захочет он изменить

биологический возраст. Хотя и это все всегда условно. Потому как характеризует не истинное положение дел, а только мнение об этом окружающих. А известно, что любое мнение как раз и создано для того, чтобы при какой необходимости изменять его в нужном направлении. Причем желание самого респондента уже ни в коем случае не учитывается. Да и не надо этого. Зачем. Все ведь и так ясно. А даже если не ясно, так видимо и вопросами такими задавались не многие из общавшихся с Семеном Ковригиным. Да он и располагал к себе почти всегда. Наверное, все же всегда, когда хотел. Потому как иной раз можно было посмотреть на Ковригина, и уже совсем не общаться с ним. Словно бы даже и не заметить его. А заметив,-- удавалось иной раз не оборачиваться вслед ему еще раз. Что при виде его длинного носа, брежневских бровей, громоподобного голоса, слишком маленького для мужчины роста, и схожести по уплотненности тела с пришельцами из мультфильма "тайна третьей планеты" -- было сродни героюству, или совсем уж безразличию. Да и таких находилось немного. В основном и смотрели, и шутили вслед Ковригину. И не находили в этом ничего зазорного. Да и сам Ковригин не обращал на то никакого внимания. Привыкнув, наверное. А может, убедив себя, что так должно быть. Ну, или быть может, посчитав, что нечто подобное должно с ним происходить. Как бы в той реальности, в которой он находился. Тем более что, находясь там, он отчего-то верил, что это все ненадолго. Не навсегда. В том плане, что он всегда ожидал, что подобное может измениться. Иной раз даже настолько, что через какой-то период времени Ковригин будет не помнить ничего из того, что было с ним ранее. И даже это "ранее" будет относиться совсем даже не к нему. А к

чему-то нереально-загадочному. И может быть не существующему даже.

И ведь не сказать, что Ковригин та-то уж был какой-то странный? А вот находило на него иной раз и вовсе необъяснимое. Отчего на какое-то время становился он неадекватным проходящей мимо действительности. И тогда он мог совершать поступки, которые раннее ему были не свойственны. Не свойственны его состоянию. Но вот кто сказал бы, какое состояние на самом деле было Семену Рустамовичу ближе всего? Да он и сам бы не сказал. А подумав немного - так и вовсе бы замолчал, опасаясь запутать себя. Ведь не любил он бродить по беспутью какому, уходя вдаль по бездорожью судьбы. А самую судьбу...

Саму судьбу старался Ковригин все время задабривать. Словно опасаясь, что при случае может выкинуть она какую шутку. Так что станет ему от всего этого и вовсе худо. Тогда как сейчас - худо-бедно, но он продолжал и жить и надеяться достигнуть в этой жизни чего-то такого замечательного, отчего не будет стыдно и в старости. Тем более что приближалась та. Хоть Ковригин крепился да молодился иной раз. Он даже пить и курить бросил, надеясь, что будет выглядеть получше. Притом что становясь старше - Семен Рустамович действительно становился лучше. Ухаживал он за собой наилучшей косметикой. Одевался в одежды известных фирм. Посещал салоны красоты, да и вообще, вскоре и действительно решил стать моложе.

Вот только действительно ли ему это было надо - спросил бы он себя.

Да ведь не спрашивал...

И можно было бы признать, что через какое-то время Семен Рустамович Ковригин готов был совсем запутаться от оценки реальности собственной жизни. Потому как представляла она ему достаточно загадочной. И могла, по сути, действительно быть и так, и этак. Разве что действительная жизнь большей частью зависит от того, как мы видим ее, а не какая она на самом деле есть. Да и есть ли - вопрос.

И тогда уже, все у Семена стало на свои места. Потому как он и действительно теперь замечал в жизни только то, что ему было необходимо.

Не обращая внимание на все остальное...

Сергей Зелинский

04.12.2007 год.

рассказ

Мастер своего дела

К любому делу Вадик Шмеерсон относился с должным вниманием и уважением.

Уже даже выходило так, что иной раз как вроде бы и совсем неудобно было, что обратил внимание Вадик на подобное дело. Ан нет, обстоятельства словно бы вынуждали его завершить начатое. Дабы, опять же, привести душу самого Вадика Шмеерсона в надлежащее состояние. Потому как действительно, уж очень печально ему становилось, когда приходилось что-то оставлять на полпути.

Впрочем, ничего на полпути Вадик старался не оставлять. И стремился, если ни к какой-то гармонии, то уж точно, к морально-нравственному единению. Выразавшемуся в поиске

подходящего разрешения любой ситуации. Потому как уж очень он и действительно хотел, чтобы все у него получилось хорошо и даже великолепно.

И это притом, что о Вадике Шмеерсоне еще в детстве говорили, что он сам себе на уме. И куда может привести этот ум, понять было, по сути, весьма и весьма затруднительно.

Ведь могло так получиться, что и ни к чему это вообще могло не привести. Хотя и если разобраться, в отношении Вадика это все равно куда-нибудь да приводило. Но вот только куда?

.....

Любой другой явно запутался бы в этом наложении несуществующего и живущего только в мыслях Вадика. Но Вадик до удивительной точности все держал в своей голове в исключительном порядке. И надлежащим образом лелеял подобные мысли, словно бы считая, что если сейчас они были ему не нужны, то когда-либо могут пригодиться.

Верил ли он в подобное сам? Видимо верил. А может, не верил. Получалось так, что никто толком не мог знать, что к чему, если дело касалось жизни Вадика Шмеерсона.

Было Вадика двадцать семь лет. Но видимо таким же он будет и в тридцать семь и в сорок семь. И что уж точно, таким же был в семнадцать. Он вообще не изменялся. Да и внешне возраст его был все же неопределенным. Причем, в разное время возраст Вадика отличался от реального порой на десятки позиций и в ту или в другую сторону. И то, что это будет продолжаться, становилось понятно уже хотя бы потому, что самому Вадика эта неразбериха нравилась. Да еще и работа подобралась соответствующая. Вадик Шмеерсон работал старшим клерком в

компании с иностранным капиталом. Знал в совершенстве два европейских языка. Но как-то специально их не учил. Просто папа у него был американец, а мама шведка. Поэтому с детства родители взяли за правило обращаться к мальчику каждый на своем родном языке. И Вадику (настоящее имя его было Винсент; Вадиком он назывался чтобы окончательно не запутывать русских коллег: Винсент Шмеерсон на его взгляд было бы уже слишком) пришлось, чтобы объясняться с родителями, научиться понимать эти два языка. В то время как его дед, Бенеш Аронович Шмеерсон, очень хотел, чтобы внук разговаривал на идише. Но подобное если и могло стать возможным, то... Вряд ли могло стать возможным в ближайшее время. Вадик (Винсент) не пожелал жить ни с папой, ни с мамой (через время родителя его расстались, разъехавшись по своим странам - до этого жили в Англии, оставшись после окончания Оксфордского университета, где и познакомились), точнее, пожив какое-то время то с одним, то с другим - после совершеннолетия и окончания учебного заведения своих родителей - неожиданно поехал работать в Россию. Компания где он трудился как раз открыла новый офис в Москве. И вскоре Винсент Шмеерсон оказался там, попросив вскоре называть себя Вадиком, а по фамилии предпочитал не представляться вообще, с удивлением открыв для себя ее неоднозначность в стране его нового пребывания.

.....

В России Вадику и нравилось и не нравилось. И что уж точно, именно в России его мысли пустились в какой-то удивительный забег. Когда многое ему вроде как и становилось

непонятным, да он все равно до всего предпочитал доходить сам; не спрашивая ни у кого совета. Да и вообще, решая свои дела самостоятельно и не считая, что должен с кем-то делиться тем, что у него было в голове.

Притом что в голове его иной раз было такое, что вполне разумно, как подозревал Вадик Шмеерсон, никому об этом не рассказывать. Поэтому на работе он просто делал свое дело (скрупулезно и педантично, бабка его была немка), и только дома позволял себе... Ну, в общем, позволял себе многое. И этим даже в душе гордился. Как и гордился какими-то другими своими особенностями. И имел, в общем-то, на это право.

.....

При всем притом Вадик Шмеерсон отличался удивительной особенностью не замечать мнения окружающих в отношении себя. Ко всем он привык относиться лояльно. Поэтому даже не предполагал, как к нему будут относиться другие. Предпочитая считать, что те также будут относиться лояльно.

"А как еще возможно"?--бывало, вопрошал он, размышляя о жизни.

Жизнь Вадиду Шмеерсону виделась исключительно с положительными оттенками тональности. И даже если бы когда-то он понял что это не так, то вероятно предпочел бы тут же забыть подобное понимание. Потому что самое дорогое, что у него было - душевная свобода и равновесие. Этому его научил дедушка, Бенеш Аронович. И если поначалу мальчик еще не понимал, что ему пытаются втолковать дед, то потом подобное понимание, словно уже и ниоткуда, появилось в нем само. И закрепилось навсегда. Чему сам Винсент Шмеерсон был очень доволен.

.....

Шмеерсону-младшему хотелось простора. Быть может он даже мечтал стать директором московского представительства. А когда понял что руководство погрязло в коррупции - честно обо всем написал в головной офис.

В результате - московское представительство расформировали. И набрали совершенно других людей. Причем Вадик Шмеерсон тоже попал под сокращение. И его отозвали обратно в Нью-Йорк. Если бы он только знал, что так получится. Разве он бы не подписался тогда своим настоящим именем. А так он подписался... Он вообще не подписался. Но письмо послал по внутренней почте. В результате чего было ясно, что информацию излагает человек знающий. Но руководство не стало гадать кто это мог быть, а просто уволило всех. Кого переведя на работу в другие страны (фирма, в которой работал Шмеерсон имела представительства в 39 странах), а кого, как Шмеерсона, просто уволив.

Закусив удила от подобной несправедливости, Винсент Шмеерсон написал письмо дедушке, где подробно описал совершенное им.

Дедушка уволил руководство уже головного офиса, а заодно и отослал обратно вновь назначенных представителей московского офиса. Дедушка был акционером компании. Другими акционерами были такие же старики как он, которые слушали и уважали Бенеш Ароновича. В результате - Винсента не только восстановили, но и назначили главой московского представительства. А потом, после открытия офисов в Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Сочи, Архангельске,

---

Свердловске - главой российского представительства. Тем самым значительно повысив статус Винсента (он снова стал называться Винсентом) Шмеерсона. А дедушка, для закрепления его нового статуса, сделал так, чтобы у внука появились еще и акции предприятия.

Таким образом, Винсент Шмеерсон совсем неожиданно стал богатым и уважаемым человеком.

Но это его вдруг стало удручать. Ему захотелось вернуть то время, когда от него совсем ничего не зависело. Когда он мог жить по составленному для себя самим же расписанию жизни. И при желании -- не обращая внимания на эту жизнь.

Можно было сказать, что именно в России Винсент Шмеерсон "испортил себе мозги",--как однажды высказался дедушка, узнав обо всем этом. Но что мог поделать дедушка? Надеяться...

Впрочем, ему действительно оставалось надеяться, что с возрастом мозги внука вновь структурируются (в правильном направлении). А всякое безобразие исчезнет из его головы. И тому станет жить значительно легче, чем сейчас. Когда обуревали его какие-то необъяснимые (и ненужные) тревоги. И когда иной раз хотелось многого. А иной раз - не хотелось и ничего.

.....

Вадик Шмеерсон (теперь, в зависимости от обстоятельств, он представлялся Вадиком или Винсентом) понимал, что, быть может, именно жизнь в России является причиной его ненужных раздумий. Выходило так, что многое за последнее время было совсем не так, как ему хотелось. Потому

что стал он вдруг подозревать, что изменяется его жизнь до неузнаваемости. Он совсем стал не узнавать себя прошлого. Все было каким-то новым, неизвестным доселе, и вполне может быть даже ему не нужным. По крайней мере, стал он подозревать... Он о многом стал подозревать. И причиной всех этих подозрений была все та же жизнь в России. В стране, которую Винсент Шмеерсон вдруг захотел покинуть. О чем честно и признался дедушке во время встречи с ним (для этого даже специально приехал в Израиль, в Тель-Авив).

Дедушка не одобрил планов внука. Ему хотелось, чтобы через какое-то время внук стал во главе всего концерна. К этому он его вел. И через какое-то время так должно было быть. Потому что сам Бенеш Аронович Шмеерсон к этому времени приобрел контрольный пакет акций концерна И все, в общем-то, шло - пока все шло - по его плану.

Вот только желание внука все бросить и перейти на менее ответственную работу не вписывалось в этот план. И хотелось ему... В общем, Бенеш Шмеерсон поставил Винсенту жесткие условия: или тот продолжает работать и стремится к дальнейшему карьерному росту, или он делает так, что тот больше никогда не получит достойного ("он подчеркнул - достойного"--и выразительно посмотрел на Вадика) места. И все, что его ожидает - работа продавцом.

От подобной перспективы Винсент поперхнулся кофе, и подумал что его дед слишком суров, раз...

Впрочем, додумать он не успел. Его дедушка, Бенеш Аронович Шмеерсон внезапно потерял сознание. Сбежавшиеся сотрудники (встреча происходила в офисе дедушки) вызвали врача

(бригада реаниматологов всегда дежурила неподалеку; у дедушки был диабет). Дедушку привели в порядок.

Врачи все равно настаивали на госпитализации и проведении обследования в условиях стационара. Перед тем как дедушку увозить, он сказал внуку, что тот мудака, каких еще свет не видывал. И если до его возвращения из больницы он не одумается, то...

Винсент все понял, кивнул, и сказал, что дедушка может не волноваться: подобного больше не повторится. Ведь он, Винсент Шмеерсон, его внук. А значит докажет всем, что он мастер своего дела. И добьется всего, на что рассчитывал дедушка.

Бенеш Аронович явно был доволен словами внука.

И еще через время он назначил его управляющим офисами в Восточной Европе. "Пока в Восточной Европе",-- уточнил дедушка, явно давая понять, что скоро внук возглавит весь концерн. Огромный концерн. С миллиардными оборотами. А для этого Винсент должен еще немного набрать опыта.

И Винсент знал, что он справится. Ведь он мастер. Мастер своего дела. Независимо от того, в чем это дело заключалось.

Сергей Зелинский

31.08.2007 год.

рассказ

Вечный бег вперед

Время бежало, не оглядываясь на тех, кто не поспевал за ним.

Прохор Степанович Безбрежнев смотрел на уходящие мгновения, замечая, что все и действительно движется с такой скоростью, на которой перед ним многое в жизни становится незаметно.

--И если предположить,--рассудил он,--что когда-нибудь удастся уловить какой единый миг, то уже как бы все равно - многое ("а то и все",--усмехнулся старик) покажется совсем не нужным ему. Потому как сознание его как бы не имело до этого практики замечать все это странное. Тогда как любая тренировка, как знал 65-летний Прохор Степанович, в юности чемпион страны по велогонкам и всю жизнь проработавший на чиновничьей работе в спорткомитете, вырабатывает помимо прочего в организме некие адаптационные возможности; основываясь на которые становится возможным достигать многое из того, к чему мы даже подходим в первый раз. Хотя, если разобраться, касается это в первую очередь и необходимости повторения пройденного пути. Когда наше сознание уже как бы улавливает то нечто, что обозначает как знакомое ему. А значит, ему становится заметно легче при выполнении каких-либо дел да обязанностей связанных с этим.

В душе Прохор Степанович чувствовал себя заметно моложе. Он заставлял себя не замечать какие-то неприятности. Понимая, что неприятности случаются в жизни каждого человека. Просто кто-то их не замечает, не обращая внимания, а кто-то начинает заикливаться на них. И вот тогда, знал Прохор Степанович, уже как бы и все. Погружается такой человек в трясины чего-то зыбкого и неопределенного. И если проведет он там длительное время, то ему как бы и совсем трудно (в иных

случаях невозможно) возвратиться к нормальной жизни. Потому как утрачивается у него, в том числе, и понятие "нормальности". А человек бессознательно не замечает этого. Потому как направлена его жизнь на что-то другое. Когда становится понятно, что все может быть и совсем даже не так. Ну, или вернее, то, что как это должно быть, он не замечает. В его сознании уже сформировалось совсем иная видимость всего этого. А значит, получается, что дело обстоит намного сложнее да серьезнее, чем это только могло бы быть. Притом что если быть и могло, то совсем не потому, что это является каким-то запрограммированным жизнью. Нет. Здесь выходит скорее так потому, что человек как бы живет в иной параллели, чем окружающая его реальность. И поэтому получается, что и один и тот же мир - видим мы разными глазами. Смотрим и замечаем иное, чем другие.

Прохор Степанович думал, конечно же, о чем-то подобном раньше. Да вот четкая видимость того, что, как и почему - появилось у него как будто совсем недавно. Быть может тогда, когда ушел он на пенсию, и стал писать воспоминания - мемуары, чтобы только оставаться при деле, потому как совсем не мог он совсем не руководить. А тут, получается, руководил своими мыслями.

Но не все оказалось так просто. Со временем Прохор Степанович понял, что для того чтобы писать, необходим помимо прочего обладать хоть малейшим литературным талантом. И хотя к писательству потянулось в последнее время много графоманов, истинное от ложного всегда способен отличить мало-мальски начитанный человек. А предположить, что таким являлся Прохор Степанович, мы имели полное право. Потому как всю жизнь он

словно стремился к чему-то неизведанному, решив для себя, что оно откроется ему только в случае, если будет он постоянно самосовершенствоваться.

Он и совершенствовался.

Хотя и до сих пор, даже в свои годы, еще не считая, что по настоящему достиг всего.

Он и не достиг. Он все еще стремился достигнуть этого. Хотя давно бы уже мог признать, что достаточно размыт его путь. Его будущий путь. И тогда уже это вечное движение вперед...

По сути, оно ведь не отвлекало его и от каких обычных дел. Он только единожды задумался о том, что было бы хорошо успеть до конца жизни найти то, что искал. Но так как то, что искал (саму конечную цель), он все время отодвигал, то и получалось, что как бы пока не важно было, что на протяжении всего марафона он периодически терял цели, находя новые, и сбивая ориентиры достижения необходимого. Да и это необходимое весьма казалось ему загадочным, а иной раз и нелепым. Как, впрочем, нелепой могла показаться и его жизнь. Особенно если предположить, что он бы взялся, когда, детально разобрать свое поведение, обозначив более детальнее роли да задачи.

И выходило уже так, что на каком-то этапе Прохор Степанович научился быть доволен всем, что происходило с ним. Как и научился он, прежде всего, не показывать вида, не раскрываться сразу перед первым встречным о тайнах души своей. Потому как тайны эти были весьма загадочны, и если что да как - так были они, по сути, не подвластны и ему самому. Он только на какой-то миг позволял себе приближаться к ним. Чтобы позже уже

отпрянуть назад. Пока не взыгрывалось его самолюбие, и он за один миг - проходил то расстояние, которое у кого-то растягивалось на годы.

Как-то вышло так, что Прохор Степанович почувствовал себя весьма прескверно и загадочно.

Верить, что это действительно так, он не мог. Вернее, ему не хотелось.

Тогда как думать о какой-то случайности, получалось, тоже не мог. Хотя бы потому, что уже было ему столько лет, что перед ним явно прослеживалась определенная закономерность происходящего. Когда то, что он видел, он видел как будто совсем не так, как это могло бы быть, а то и было, допускал он, по настоящему.

И вот уже не мог Прохор Степанович выносить подобное состояние своей души. И душе этой хотелось праздника. Хотелось, чтобы вообще уже не рождались какие нехорошие мысли. Хотелось... Много ей хотелось. Вот только сам Прохор Степанович вдруг понял, что давно уже научился трезво оценивать происходящую реальность. И на основе такой оценки ему совсем не хотелось как-то излишне форсировать события. Потому как явно он уже понимал, что не будет все так просто и впредь. Что все как бы наоборот - будет только иначе, совсем иначе. Да еще и возможно так, что не надо будет больше мучиться ему от разрешения каких сомнений. Да и вполне возможно (как бы оказалось что так), что и сомнений никаких у него не было. А максимум что было - непонимание ситуации, жизненной ситуации. Причем уже то, что это было так, Прохор Степанович осознал, и решил изменить жизнь таким осознанием.

И мог он при этом добиться еще многого, а то и всего. Да как всегда понял, что ему просто на какой-то миг удалось взглянуть на окружающий мир не с той плоскости, не с плоскости постоянного обзора. И уже получалось, что все у него и действительно было хорошо. А чтобы так казалось и впредь, ему просто не надо перемешивать судьбу, забывая ее теми фактами, на которые ранее он не обращал внимания. А теперь, получалось...

В общем, как-то сразу и в один день Прохор Степанович понял, что он должен по-прежнему видеть тот мир, видеть который привык.

И ему совсем не обязательно было замечать в этой жизни не замечаемое. Довольствуясь достигнутым ранее. Причем необходимо так было еще и для того, чтобы не потерять достигнутое. Потому как если был достигнут какой рубеж, это совсем не значит, что надо было оставлять его - и искать новый.

И можно было уже сказать, что как раз к какому-то подобному пониманию Прохор Степанович и стремился все эти годы. Причем было бы глупо ссылаться на ошибки, непременно возникающие у каждого на этом пути. Да и к чему вести речь об ошибках, когда все, что могло казаться занимательным - наверняка казалось таким в силу целого ряда обстоятельств. Одним из которых являлось понимание Прохором Безбрежневым мира. Мира, в котором все было бы весьма гармонично приспособлено друг к другу.

И даже если предположить, что до последнего времени Прохор Степанович действительно что-то не понимал, то сейчас уже было как бы и без вариантов.

То есть как раз сейчас он понял все.

И осознание этого послужило великим открытием Безбрежнева Прохора Степановича, человека не простой судьбы, и при этом так научившегося принимать жизнь намного проще чем там сама желала себя преподнести. При этом о какой-то своей жизни Безбрежнев уже словно и не заикался. Все, что с ним могло произойти, лежало теперь в плоскости чего-то поистине простого. И этой простоты Безбрежнев не боялся. Это он раньше чего-то боялся. Но ведь давно уже смирился со всем что происходило, и могло произойти. А потому и не переживал, когда слушал чье-то мнение о себе. Явно понимая, что мнение такое ошибочно. А сам человек, быть может, и вовсе дурак или неврастеник. И что наверняка - подсознательно переносит проекцию с себя - на него. Или вмешивается трансфер. Когда образ Безбрежнева невольно походил на какого-то врага. И потом в подсознании все смешивалось загадочным образом. И даже знание того, что перед таким человеком находится именно Безбрежнев - уже не играло никакой роли. Да и глупо, но подобное, знал Безбрежнев, встречается в жизни. В жизни, которая не раз еще способна будет преподнести ему ненужные подарки.

Но даже зная это, Прохор Степанович понимал - несмотря ни на что, он так и будет стремиться вперед. Бежать навстречу чему-то запланированному и ожидаемому его.

И уже после достижения подобного он сможет позволить себе отдохнуть. Но лишь после достижения ...

А пока был бег вперед.

И Прохор Степанович бежал с удовольствием.

Сергей Зелинский

25.11.2007 год

рассказ

Свет в окне

1

И видел он свет.

Свет лился из окна.

Теплой весенней безлунно-безветренной ночью это казалось по-особенному завораживающим.

Евгений Горстков около окна стоял уже час. И если вначале ему еще приходили разные мысли в голову (с общей направленностью - поскорей уходить), то зачем он остался -- Горстков не знал. Верил ли он во что-то? Верил. Но то, во что он верил, не относилось к общей проблематике его нынешних действий. В том плане, что он попросту уже мало что понимал.

И видимо то, что он простоял час, и то, что все это время было ему относительно хорошо, говорило лишь о том, что он должен быть благодарен небольшой бутылочке коньяка, к которой прикладывался (за время своего стояния); да пачке сигарет, которая уже подходила к концу.

"Забавно",-- подумал Горстков. Подумал он и еще о чем-то. Но мы-то знали, что ход мыслей Горсткова иной раз начинал так петлять, что следить за оным было не только не нужно, но и вовсе не интересно. Разве что можем сказать, что в какую-то минуту Горстков подумал почти одновременно о женщине, и том, почему не выключается окно, и о том, что делает хозяйка квартиры, в которой светится окно, и о том, что завтра на работу, и даже о том, что у него заканчиваются сигареты и коньяк. Ну, коньяк еще полбеды (на улице Евгений много пить не любил), а

вот сигарет было жаль. Ведь ночью их еще надо было купить. А в незнакомом месте на местности было ориентироваться весьма трудно.

Зачем Евгений стоял и смотрел? И почему не делал попыток войти в парадную да подняться на третий этаж, где была квартира?

Ну, входить к незнакомым людям в час ночи было не совсем удобным. К тому же Горстков не знал, была ли женщина одна. И как она вообще отреагирует на его приход.

Ну а что касается того, почему он тут стоял,-- так это объяснялось просто. Евгений Горстков, рослый симпатичный мужчина двадцати семи лет, возвращался домой из офиса (работал директором сети небольших магазинчиков), и вдруг заметил силуэт красивой женщины в окне. Женщина имела отличную фигуру с развитыми формами и была обнажена. Причем, стояла перед окном то боком, то спиной. Но уже по фигуре Горстков понял, что ему как раз необходима такая женщина (он был одинок; были знакомые женщины, но все не то). Поэтому он извлек из внутреннего кармана пиджака бутылочку коньяка (взял по случаю последнего дня рабочей недели), и пригубил. Потом закурил, и пригубил еще и еще. (Это было начало.)

Видимо сказалось все вместе: усталость, конец недели, не склонность к явному алкоголизму, весна, наконец. В общем, он почувствовал, что его слегка подразвело. Ну а так как считал подшофе идти к даме неприличным, решил какое-то время постоять внизу, ну а потом уже не сомневался, что решится познакомиться.

Пока стоял, захотелось выпить. Выпил. А потом уже стал пить, ожидая, что в его голове все как-нибудь сложится само. И он поймет, что, собственно, должен делать.

Пока не складывалось.

Тогда Горстков... Впрочем, он пока отгонял от себя какие-то решительные меры. Сколько раз уже оказывалось, что женщина была не та. Или фигура дурацкая, или лицо, или ума не было, ну или тот зашкаливал, превращаясь в излишний сарказм. В общем, нормальных женщин (заметим, "нормальность" в представлении различных мужчин отличалась) пока Горсткову не встречалось. Поэтому вполне объяснимо, что и сейчас он подсознательно боялся ошибиться.

Ну а так как время почти всегда идет в любовных делах только на пользу, решил Евгений подождать, постоять пока, попить чуть-чуть, да перекурить это дело.

Потом уже курил, обдумывая ход вероятных шагов к сближению с дамой, а иной раз и просто курил, наслаждаясь погодой и ароматом табачного дыма.

В общем, ничего толкового он не делал. Хотя в иных случаях и размышления можно назвать делом правильным, да и вообще -- необходимым. В том случае, конечно, если размышления эти несут какую-то смысловую нагрузку. Да и вообще - оправданны. Чего, к сожалению, не наблюдалось у Горсткова. Ибо думал он уже вообще черт знает о чем. Что, как бы, и не трудно. Стоит только задуматься, отпустить разум, выйти, то есть, из под его контроля,-- и уже в голове рождается смесь чего-то одновременно необходимого, и занимательно-беспорядочного. В общем, хаос.

Однако не совсем правильным будет сказать, что в голове Горсткова царил такой уж хаос. При всем присутствующем негативе, просматривался общий ключ. Потому что Евгений периодически возвращался к размышлению, какие шаги должен предпринять, чтобы познакомиться с незнакомкой. Ведь в том, что он желал с ней познакомиться, Евгений не сомневался. Он мог бы даже с ней переспать. Если бы судьба как-то по особенному отнеслась к его инициативе.

Но пока он не решался остановиться ни на одной проходящей в его голову модели предстоящего поведения. Все как-то было не так. Вроде как и можно было просто подняться, представиться, наговорить комплиментов, да и уже далее, в зависимости от ситуации, или уйти, взяв телефон, или сразу договориться о встрече на ближайшее время. Ну, или - оказаться (тоже сразу) быть посланным куда-то вдаль. И гордо уйти, не споря, и веря, что оставляет незнакомку в недоумении.

"Но ведь так могло и не случиться", --подумал Горстков. А дама могла вообще оказаться с мужем или любовником. И что уж точно, он бы тогда не только оказался некстати, но и сразу бы лишил себя попытки заполучить эту женщину. Потому что явно, что еще раз после этого встречаться она с ним не будет. А просто так надоедать дамам (без взаимности) он не хотел, не любил, да и вообще - не мог.

Оставалось ждать.

2

Но он ведь не мог ждать всю жизнь. А, несмотря на то, что прошел час, Евгению уже казалась, что проходила жизнь. Его

жизнь. А ведь Евгений Горстков был очень деятельным человеком. Можно даже сказать -- предприимчивым.

И что уж точно, не привык сидеть на месте. Не то, что сейчас...

.....

Раньше Евгений Горстков как раз сидел на месте. Закончив университет Профсоюзов (известный питерский вуз) по специальности логистика, молодой человек не спешил с головой погружаться в работу. Тем более что какой-то работы у него не было. Так, наметки какие-то, ни во что серьезное пока не выливавшиеся.

Но, тем не менее, так было только поначалу. Провалив дурака почти полгода, Евгений Горстков нашел сразу несколько работ. И выбрав из них наиболее высокооплачиваемую, стал отдавать себя новому в жизни делу. Да так, что вскоре оказалось, что это его захватывает удивительным образом. И ни о чем, кроме как о работе, он как вроде бы и не думает.

Потом захотелось как-то устроить личную жизнь. Далее мы уже знаем. Не получилось. В том плане, что не попадалось что-то более-менее путное.

И вот чуть более часа назад, проходя мимо какого-то дома (он и улицы такой раньше не слышал; да и сейчас обратил внимание на табличку с адресом только через полчаса ожидания) он вдруг почувствовал, что то, что он видел, и есть то, что ему нужно.

При том что почти ничего он и не видел. Ну да, широкий таз и большие высокие груди. Ну да, прекрасный силуэт. Вроде как рост под стать его (у Евгения было 190 см.). Но пока не

больше. Для большего как раз требовалось сделать еще один шаг (точнее - серию шагов): войти в подъезд, подняться на третий этаж, и позвонить в предполагаемую квартиру. Тем более что это необходимо было или делать сейчас или пока вовсе не делать. Время давно зашкалило за полночь, и, собственно, в любой момент дама его сердца (если предположить - а ему так хотелось - что это дама его сердца) выключит свет и уляжется спать. Выключенный свет будет свидетельствовать о том, что на сегодня все. Отбой. И быть может бессознательно он и ждал выключения этого света, который пока еще горел, явно удивляясь нерешительности Евгения.

И как только Горстков подумал об этом, то неведомая сила потянула его к парадной.

.....

Он нажал на кнопку звонка. И только сейчас понял, что не выработал модель поведения. Другими словами, он не знал что будет должен говорить.

Решил положиться на интуицию. И действовать вообще - исходя из увиденного.

Дверь открыл мужчина.

"Извините,--как мог вежливо (хотя сердце стало предательски колотиться, а в голову биться мысль, что он идиот) спросил Евгений.--Я случайно проходил мимо и видел в окне женщину. Я правильно попал"?

Мужчина непонимающе смотрел на него. Был мужчина в пижаме, имел средний рост и испитое лицо.

"Женщина...--выдавил из себя Евгений.--Мне необходимо увидеть женщину, которую я видел в окне".

Мужчина все также продолжал смотреть на него, а в голове Евгения уже прокрутилась цепь возможного объяснения своих слов, и он придумал, чем может объяснить свой приход.

"Я режиссер,--спокойно соврал Евгений.--Мы сейчас снимаем картину, где как раз не хватает актрисы, похожей на вашу жену...",--нашелся он.

Мужчина кивнул, и нерешительно открыл дверь, словно приглашая войти.

Ну, или Евгению показалось, что приглашая. В любом случае он вошел.

--Женщина...--начал Евгений, видя, что мужчина смотрит на него, не двигаясь с места и почти не моргая.

--Вера!--громко позвал женщину мужчина, обращаясь в одну из комнат.--К тебе пришли.

.....
.....

Женщина Горсткову не подошла. Она имела пустое бесцветное лицо, а при свете оказалась ряба и некрасива. Он успел только извиниться, громко предположив (обращаясь к женщине и мужчине; причем ему показалось, что мужчина был явно не прочь его побить), что видимо просто ошибся квартирами, а может, - многозначительно заметил он, - и домами.

И уже спускаясь по лестнице, почувствовал себя в таком дурацком положении, что после этого пил все выходные, с трудом отойдя к первому рабочему дню (это при том, что женщину он встретил в пятницу, а в субботу ему тоже надо было идти на работу).

Но и после этого он еще долго душевно болел. И считал себя идиотом.

А такое состояние он очень не любил. Оно не предвещало ничего хорошего. Да и вообще, как бы сигналило о том, что он идиотом и является. Без вариантов.

И от этого было очень грустно Евгению. И потребовался почти месяц, прежде чем он уже окончательно отошел от случившегося с ним инцидента.

А после, проходя мимо домов, он уже никогда не смотрел на зажженные окна. Предпочитая даже не замечать, что там живут люди, и тем более женщины.

Так ему было спокойнее. А спокойствие он с недавних пор полюбил. Предпочитая его суете окружающего мира.

Сергей Зелинский

10.09.2007 год.

рассказ

Всеволод Панарин

1

Можно конечно предположить, что ни о чем таком Панарин не думал.

И даже если еще о чем подумать, так он и вовсе решил бы сделать все не так, по-другому, чтобы...

Чтобы после - начать все сначала.

У Всеволода Панарина так часто бывало.

Он даже если случалось ему подступаться к какой прибыли в делах (занимался Панарин коммерцией) все равно считал, что такая уж значимая прибыль ему не нужна. И вполне

достаточно было бы ему какой ни какой десятины. Чтобы, значит, после - начать жить уже по другому. Думая не о том, что иметь то, что есть, или что было, как бы не задумываясь о том, что могло бы быть. Потому как то, что могло быть...

Ну, у Панарина как раз могло быть все то многое, что, быть может, он и хотел бы сам.

Притом что сам он предпочитал о многом как раз не говорить. И даже ведя речь о чем-то подобном, да еще как будто приближаясь к предмету беседы, он вдруг неожиданно уходил в тень. Причем иной раз настолько неожиданно прерывал разговор, что собеседник Панарина какую минуту-другую смотрел недоуменно тому вслед (после завершения разговора Панарин всегда уходил), потом в зависимости от стойкости нервной системы или ругался или забывал обо всем - и начинал заниматься своими делами.

И было некоторой загадкой то, что когда Панарин возвращался (через месяц, неделю, а то и год), недавний собеседник его словно не держал какого зла. Ну, или может быть, как раз зло за это время забывалось. А Панарин... Всеволод Панарин всегда умел расположить к себе другого человека. И такая беседа, начавшись, становилась весьма и весьма полезной (для обоих), а может быть и даже любопытной. Тогда как если только предположить, что Всеволод был как раз при всех таких встречах себе на уме, то уже как бы и выходило, что в своей жизни о многом он знал - много больше остальных. Веря даже, что это станет возможным после определенных лет практики его жизни. Ведь даже сейчас, в свои двадцать семь, Панарин знал, что в жизни ему предстоит еще слишком многое, чтобы пока делать

какие-то выводы. Ведь даже получалось так, что сама жизнь его только начиналась. Потому как в разный период происходит пора взросления. И иной раз восемнадцать бывает как одиннадцать, а сорок семь - как тридцать.

.....

Всеволод Панарин занимался сельским хозяйством, работал в системе Агропромышленного комплекса, одно время даже выдвигался в депутаты, да как бы сначала та группа предпринимателей, от которой шел, он не справилась с возможностью начавшегося противостояния с серьезными партиями, а после независимые депутаты исторически исчезли, отчего получилось так, что Панарин с головой погрузился в работу; примерно тогда же он и стал предпринимателем, или как их называют в системе АПК - фермером.

Фермерствовал Панарин не долго. Он как-то быстро понял, что подобное в России еще долго будет набирать соответствующие обороты. А потому решил не испытывать судьбу, и перейти на работу в госструктуры. Тем более что туда его всегда как-то по-особенному тянуло. Да и приглашали хорошие люди.

А еще и испытывал Всеволод Леонидович какую-то неведомую тягу к общественной работе. А потому вскоре уже замечен был на работе в Ленобласти (жил Панарин во Всеволожске). Став работать ни много ни мало -- в аппарате губернатора (после, впрочем, уйдя с понижением, не в силах справиться со склоками, да мелкими междоусобными войнами).

.....

Уже как неделю Панарин был безработный. Подобный статус его, впрочем, нисколько не смущал. А даже наоборот, давал кое-какие привилегии.

О последних, впрочем, Панарин говорить не любил. Да и вообще, был он весьма скромным человеком. А со временем стал и вовсе, как говорится, себе на уме. Притом что умом обладал изрядным. Разве только не умел воспользоваться им всегда, когда было нужно.

От того и получалось, что он больше терял, чем получал. Считая подобное положение все же временным, что и подтвердилось со временем, ибо как раз со временем в жизни Панарина все изменилось. И так стало возможно, прежде всего, оттого, что он стал совсем другим человеком. Все у него получалось, выходило, срасталось так, как до этого задумывал он. И тот, кто знал Панарина на протяжении разных лет его жизни (а еще лучше всех сразу), мог бы сказать, что он действительно здорово изменился. А став другим человеком - как бы подтянул под себя и свою жизнь. После чего жизнь эта платила Панарину исключительно добром и заботой. А он ей за это прощал мелкие слабости. Которые после недолгих размышлений Панарин решил оставить. Потому как считал, что хоть в малом обязан был себя поощрять. Тем более что давно он уже делал скидку другим людям. Считая, что не все способны выдерживать темп жизни. Отчего иногда задыхались люди в своих повседневных заботах. Стремясь, порой, к совсем уж невообразимому. И порой не в силах разобраться, кто же в этом был на самом деле повинен. И что уж точно,-- как они считали,-- не они сами.

Впрочем, так считали не все. С теми, кто считал иначе, Панарин через какое-то время (время тестирования стабильности их взглядов на жизнь) сближался. Понимая, что должен был делать он в жизни на кого-то ставку. Потому как оставаться всегда совсем одному было весьма и весьма нехорошо (считал он). Полагая... Да, впрочем, много чего Панарин полагал, считая, что это должно было быть так или этак. И судьбе, можно сказать, пришлось по душе цепочка размышлений Панарина. А он давно уже жил с ней в мире и в согласии. Предпочитая в первую очередь оставаться собой. Не думая о том, что произойдет, когда возникнут у него какие проблемы. Потому как проблем нахватался вдосталь. Но это было раньше. Тогда как теперь Всеволод жил совсем иной жизнью. И даже возвращение его в госструктуры было словно подтверждением подобного. А когда он все же стал депутатом, а со временем и перешел на работу сначала в областное, потом городское, а потом и федеральное правительство, это уже все восприняли как должное. Потому как так, наверное, и действительно должно быть. Если человек был хороший, да если он всегда стремился к чему-то большему, чем у него могло быть. Да и было. Ведь может и отличие Панарина от многих других как раз в том, что он: 1) никогда не довольствовался малым; 2) умел трезво оценивать свои силы, и все равно при случае поднимать планку чуть выше; словно бы вызывая этот случай. И стремясь работать в жизни с самоотдачей. Совсем не задумываясь о благах для себя, и всегда - и больше всего - думая о других.

Несмотря ни на что, с Всеволодом Панариным периодически происходили определенные метаморфозы, заставлявшие иной раз прекращать общаться с ним людей, до этого как будто иной раз даже через чур расположенных к такому общению. Причем как будто нельзя было говорить о существовании какой причины. Скорей всего все происходило весьма хаотично, да и вообще, по сути, непредсказуемо. Тогда как Панарин все равно пообещал себе во всем разобраться. И даже наметил определенные точки соприкосновения с людьми, с которыми уже как будто бы ранее разорвал отношения.

И тут оказалось, что все складывается весьма удачно. Конечно, было немного удивительно, но на самом деле никто из друзей (с которыми Панарин давно распрощался) на него не обижался. А то и даже кто-то из них (что было весьма удивительным для Панарина) даже проникся еще большим уважением к нему. Причем в том, что все чувства были искренни - Всеволод Леонидович не сомневался. Он вообще вдруг перестал в чем-либо сомневаться. И считал что то, что в его жизни еще не совсем так - то будет решено соответствующим образом. Причем, совсем как будто необязательно было верить ему в это, или не верить. То, что так получится - было как бы непреложным фактом сего жизненного обстоятельства. И даже получалось, что он об этом вполне додумался и раньше. Да вот видимо на каком-то этапе собственных размышлений упустил мысль. Хотя и теперь она возвратилась к нему. Да еще как будто с новыми подробностями да обстоятельствами. Отчего на душе Панарина разом стало светло и свободно. И он мог в своих размышлениях о жизни пойти

еще дальше. Больше не опасаясь забрести туда, откуда не возвращаются...

.....

Всеволод Панарин выглядел гораздо старше своих юных лет. В последнее время он стал несколько одутловат, но это было причиной развития в нем особого рода заболевания, о котором говорить он не любил, хотя и знал, что долго с этим не проживет, если не надеяться на чудо.

В чудеса, впрочем, Панарин не верил. Хотя и бессознательно ждал.

И уже видимо оказалось весьма характерно, что когда Панарин по настоянию одного из своих друзей, открывших частную клинику, прошел полное обследование, то у него никаких отклонений в норме здоровья не было обнаружено.

А он признался (как бы находясь на подъеме), что верил в это и раньше.

3

Рассказывая о Панарине, мы вполне могли бы заметить, что Всеволод Леонидович весьма откровенно любил говорить о себе сам. Причем наступало после этого у Панарина некоторое облегчение его душевного состояния. После чего он уже не так воспринимал жизнь. Хотя и хватало его совсем ненадолго. После чего все начиналось сначала. И ему становилось невероятно грустно от того, что так он распоряжается своей жизнью.

Но с другой стороны, находил Всеволод во всем этом определенную закономерность. И как бы выходило так, что совсем необязательно ему было что-то искать да не находить. Потому как,

---

как раз ясно было, что найти что-то, он оказывался не способен. А если предположить что искал, то лишь как бы для отвода глаз... Ибо хоть и важно, что искал (поиск как бы символизирует стремление), но ведь не нашел...

.....

Всеволод Панарин никогда не был женат.

Женщин он вообще то ли опасался (считая их слишком коварными особами), то ли просто когда-то решил для себя, что без них ему будет спокойней.

Причем не ходил даже к проституткам. Занимаясь любовью сам с собой...

Но периодически все словно взрывалось в душе Панарина. И тогда он как никогда хотел настоящей любви.

Настоящая любовь в его представлении сводилась к тому, чтобы спутница Всеволода не только всегда готова была исполнить любую его просьбу, но и чтобы сам Панарин при виде ее испытывал столь сильное сексуальное желание, чтобы хотел (и мог) он всегда и в любое время совершить с ней акт любви. А если и случались бы какие сбои - так большей частью или не по вине Всеволода, ну, или же, чтобы он нечто подобное не замечал. И если говорить начистоту - то если бы была такая девушка или женщина (возраст для Всеволода значения не имел) вдруг появилась бы рядом с Панариным - то наверняка он стал бы другим человеком. Ну, или что уж точно - взглянул бы на жизнь по-иному.

.....

Девушка такая нашлась. Причем как будто совсем случайно, и сначала была заказана Всеволодом в одном из секс-агентств, а после он влюбился в нее (почти сразу), и предложил руку и сердце. А она согласилась.

.....

Жительница Украины Ксения Мережек была низкорослая и ширококостная девушка, двадцати трех лет, с горящими глазами, таинственной улыбкой, и что самое главное (что и покорило Панарина сразу и бесповоротно) - с ярко выраженным желанием подчиняться приказаниям мужчины.

Ксения уже как год жила в Санкт-Петербурге и вполне согласна была поменять статус гастарбайтера на Питерскую прописку. Причем, если поначалу у Всеволода были какие сомнения (например, у него не раз возникала мысль, что его используют), то вскоре те отпали. И с Ксенией у него установилась устойчивая связь. И пусть основное в этом было сексуальное начало, но ведь, если разобраться, не этого ли Всеволод все время подспудно искал. А найдя - боялся потерять.

Вскоре Ксения переехала к Всеволоду в его двухкомнатную квартиру в Веселом поселке. Местечко так себе, но у Панарина вдруг возникло такое желание самореализоваться, что достаточно скоро он сумел заработать себе на комнату, и, поменяв на квартиру с доплатой, переехал в исторический центр города, поселившись на улице Пестеля и теперь вечерами прогуливаясь с Ксенией вдоль реки Фонтанки с заходом на Мойку или дефилируя по Невскому проспекту.

И можно было бы сказать, что жизнь у Всеволода нормализовалась, как вдруг он внезапно заболел и умер. Врачи констатировали смерть от перенапряжения. Что тоже бывает.

Сергей Зелинский

20.11.2007 год.

рассказ

История вопроса

1

Он мог бы сказать, что ничего такого не было. Ну, или на крайний случай, что он ничего такого не припомнит.

И в одном и в другом случае было явно заметно, что он врет. При том что в обычной жизни Винилов старался не врать. Ему как бы не с руки была любая ложь. Человек он был честный и ответственный. Ну, в смысле, ответственно относился к разным своим поступкам.

В то время как старался попросту не совершать те поступки, за которые в последующем ему могло быть стыдно. То есть, все как бы разгадывалось просто.

Но не все было так просто. Слишком часто у него возникали вопросы, на которые он уже устал отвечать. Ему даже иной раз хотелось не ответить, развести руками, признаться, что он не знает, что сказать. И это была бы ложь. Потому что он мог не знать все, но знал многое. А обманывать не любил.

Придерживался даже какого-то кодекса поведения, согласно которому должен был совершать в своей жизни определенные поступки. И даже как-то радоваться, совершая их. Зачем радоваться? Для надежности. Чтобы закреплялся рефлекс.

Поступки - радость, радость - поступки. Таким образом он добивался, чтобы его интуитивно (подсознательно) тянуло к совершению чего-то доброго и вечного. Пусть даже не общественно значимого (был он все-таки одиноличником), но чего-то действительно положительного. И тогда к нему приходила радость. Как у собаки Павлова.

Однако, в большинстве случаев все не было так просто. Ну, например, Винилов (Всеволод Винилов, сорок три года, старший преподаватель института иностранных языков) мог внезапно забыть про все на свете, сесть на электричку, и уехать куда-нибудь за город.

Причем он совсем не мог с собой совладать. И по настоящему приходил в себя только когда оказывалось, что путей к отступлению как будто и нет.

И ведь не был каким идиотом. А вот совершал нечто, в чем потом непременно хотел разобраться.

Зачем?

Так было надо.

.....

Винилов действительно не был идиотом. И даже не походил на него. Все происходило так, словно бы ненавязчиво в голове Всеволода возникало какое-то необъяснимое желание отправиться на какую-нибудь встречу. Кто должен был встречаться с ним - тогда Винилов такой вопрос даже не задавал. Он садился в электричку и ехал. Причем встреча каким-то таинственным образом намечалась за городом. Ну и конечно, в итоге никакой встречи не происходило. А наш чудаки возвращался

обратно. При этом, что у него на самом деле было в голове - никто не знал. И не понимал. Да Всеволод ни с кем и не делился. Он словно бы знал все сам. Знал ответ на вопрос, на многие вопросы, но не знал зачем, какая сила гонит его из города на какой-нибудь полустанок, где он дожидался или того с кем должен был встречаться, или что еще вернее - обратного поезда. А, возвращаясь в город, искал его (кого?) там; и уже после, окончательно успокаиваясь, приходил домой.

Может Винолова не радовал дом? Надоела, например, ему суета. Хотелось, наконец, каких-то острых ощущений?

Нет. Все это было не так. Винолов знал, конечно, что он хотел. Но вот наступал какой-нибудь день, и Всеволод уже чувствовал, что в этот день он вновь сорвется и уедет, куда глаза глядят.

Впрочем, глаза его глядели за город. И оказавшись там, Винолов возвращался обратно. Словно бы успокаиваясь и с чувством выполненного долга. Ну, или снятой ответственности. Притом что то, что это была настоящая загадка, было видно без подозрений. Да понимал это и сам Винолов. Но вот только был он... Ну, сказать странный, ничего не сказать. Но лучше предположить, что он был загадочен. И как-то по-особенному красив в этой своей загадочности.

Ну а то, что он не знал зачем ездил за город и кого там ждал? Ну, так у всякого человека есть какие-то загадки. Бывает даже что загадки эти страшные. Случается, несут угрозу обществу. А загадки Всеволода Винолова были безобидные. Можно даже сказать детские. И он, в свои сорок три, все равно оставался ребенком. Большим ребенком. И не находил, что это так-то уж

слишком плохо. Ну, или таинственно. Ничего таинственного здесь не было. Все было до обидного просто. Потому что вскоре выяснилось, что за город Винолов ездил, потому что хотел там встретить некоего человека, с которым давно расстался. Точнее - в одну из встреч этот человек (девушка) должен был приехать за город, на один из безымянных полустанков в пригороде. Но Винолов забыл название этого полустанка. И с девушкой не встретился. Больше она ему не позвонила. Прошло уже почти семнадцать лет (он помнил каждый год их разлуки). И вдруг Винолов начал испытывать необъяснимые угрызения совести. И стал приезжать на каждый из полустанков, в ожидании...

Встречи? Идиот, скажите вы. Может и идиот. Даже сам Винолов готов был согласиться с этим.

Да вот надеялся на какое-то чудо. И ему казалось (почему-то действительно казалось), что чудо это могло произойти.

Ну, может и могло. Если что-либо очень захотеть, вполне возможно, что и произойдет. Хотя?..

2

На самом деле жизнь Всеволода Винолова изменилась после одного случая. Тогда он еще был студентом. Любил красивую жизнь. Кто знал Винолова сейчас - не мог бы подумать (да и не поверил бы, списав подобную информацию на что угодно, только не на правду), что когда-то затурканный ныне жизнью Винолов был очень даже отвязным молодым человеком. Носил волосы до плеч (сейчас был почти лыс), курил траву (покуривал и сейчас), пил (сейчас временно не пил; подшился), да и вообще, вел самый, что ни на есть, антиаморальный и антиобщественный образ

жизни. И при этом - считал, что все делает правильно и разумно. И, разумеется, не мог и подумать о том, что когда-нибудь его так шандарахнет (преимущественно по голове), что он напрочь забудет прежние привычки, быстренько закончит институт (два раза оставался в академический отпуск), аспирантуру, да и еще и с блеском защитит диссертацию, которая при иных раскладах могла бы сойти и за докторскую.

В общем, изменился круто. На 180 градусов. А изменившись, стал резким противником жизни прежней. И студентов своих наказывал соответствующим образом. Да и вообще, был сам себе на уме. К тому же никто не знал, что было у него на уме. И все только удивлялись...

Впрочем, никто как-то по-особенному не удивлялся. Для этого Винилов сменил круг общения. И хоть особо ни с кем он не общался, но с теми, с кем приходилось контактировать по работе (или для решения вопросов в социальной жизни) никогда бы и не узнали в этом чистюле и шизике - оторву и бандита (хулигана, наркомана, пьяницу и дебошира). Стал он другим. Хотя и возраст как будто бы небольшой (для каких-то кардинальных изменений), а вон на тебе как усмехнулась судьба. Ведь таким Винилов уже стал и в тридцать лет. Ну, то есть, стал совсем другим человеком. И тот случай с девушкой,-- был как бы невольным подтверждением тогдашнего изменения Винилова. Когда он познакомился с Лелей - он был еще тот парень. А когда должен был ехать на второе свидание - не поехал. Ему показалось, что Леля блядь и хулиганка. Он вспомнил, как она сначала курила марихуану, а потом делала ему минет (после чего снова курила). И что-то тогда восстало против всего того образа жизни, который он

положил в основу своего существования. Причем столь сильно восстало, что он разом изменился (друзья сказали - поглупел). А изменившись -- сменил окружение.

Но вот прошло много лет, и признался себе Винилов, что не может он до сих пор забыть ту девушку. И когда имя Лели уже стояло в его ушах сутки напролет, он решился, и поехал первый раз на встречу. А после этого ездил постоянно. Словно бы тщетной надежде все же отыскать ее. Найти, и...

Всеволод Винилов не знал, что будет после этого "и".

Но он признался, что готов на все. И даже если придется вновь вернуться к прошлой жизни (если жизнь поставит такие условия), то он вернется. Намного важнее общественного положения, статуса и прочего - утихомирить, усмирить душевную боль. И ради этого Всеволод Винилов был готов на многое. И не намерен был считаться ни с чем.

3

На самом деле, конечно же, все могло, при случае, объясниться просто. Всеволод Винилов, несмотря на свой возраст, просто еще фактически не нашел себя. И искал пути к иному завершению вопроса жизни. Видимо намереваясь что-то в этой жизни изменить. Можно даже сказать - переиначить.

И уже руководствуясь всем этим,-- и совершал он поступки, которые, на первый взгляд, могли иметь не мотивированный характер. Но на самом деле были вполне понятны ему. Хотя бы потому, что он находился в ином измерении восприятия жизни. И потому что чувствовал, что жизнь часто его была (преимущественно по голове), он считал, что непременно должен найти в этой жизни какой-то иной путь к успеху. Ну а то,

---

что пока не нашел, было вполне оправданно. Искал. Искал, стремясь достучаться до небес. В поисках чего-то такого, что мог бы принять раз и навсегда. И после этого, уже не мучаясь напрасно, идти к запланированной цели.

Цель, при этом, все время балансировала по краю. Словно бы тоже ожидая разрешения его потуг. И намереваясь, быть может, чем-то помочь этому человеку. В случае, например, если окончательно почувствует, что он уже готов к преобразованиям в судьбе. А в ином случае, как говорится, и делать, как будто, пока ничего не стоило. По крайней мере,-- действительно пока. Ведь Всеволод все еще искал. Продолжал искать, отработывая различные версии-варианты происходящего. И в принципе, у него уже наметился выход из положения. И обозначилась перспектива. Пусть еще и не совсем четко, но уже было ясно, что получится. Да и сама ситуация должна была измениться в ближайшее время. Необходимо было лишь немного подождать. Подождать, просто доделывая свою работу. Свои поиски. Поиски счастья. И тогда... Тогда все получится. Главное было не переживать и идти к намеченной цели.

И окончательно осознав все это, Всеволод Израилевич Винолов (по матери Якобсон) шел к намеченной цели. Уже не слушая никого. И не обращая внимания на советы. Которых в последнее время стало раздаваться все больше.

Но это уже было не страшно. Он вообще почувствовал, что ему ничего не страшно. А его вопрос разрешится исключительно положительно. И он это знал.

Сергей Зелинский

07.09. 2007 год.

рассказ

Любовь к женщине

Он бы мог назвать это ядом. Мог вообще никак не называть. Сути от этого не менялось. У него была страшная зависимость, продиктованная, прежде всего, природой. Той ее сущностью, которая иной раз может принимать и вовсе ужасающие размахи. И, прежде всего, мучила его бесконтрольность. И борьба. Вечная борьба со своими желаниями. Когда разум понимал что того, что делал он, делать не стоило. А сама жизнь словно бы диктовала обратное. Фактически насмехаясь над ним. И что уж точно, вводя его в серьезные печаль-тревогу.

.....

Таранцев не думал, что когда-нибудь ему предстоит раздумывать над тем, что стоит, а чего не стоит делать. И хотя на самом деле вопрос был двоякий, все больше склонялся Феликс Васильевич к необходимости принимать диктуемые ему природой условия. Но принимать их как бы условно. А на самом деле стараться все-таки пойти наперекор желаниям. И может быть даже наперекор судьбе. Хотя, видимо, все же ставить так вопрос не стоило. Потому как на самом деле все было более чем непредсказуемо (относительно его дальнейшего поведения). И если было бы возможно что-то изменить, наверняка он поспешил бы возвратиться назад. И уже оттуда, из прошлого, вновь начать разбег. Хотя и вполне могло получиться так, что этот разбег принял бы тот же вариант (жизни), который был сейчас. И тогда

уже получалось, что может и не стоило что-то кроить. А необходимо было взглянуть на происходящее по-новому. Ну, то есть уже получалось, по-другому.

И в этом желании - не желании делать чего-то подобное пребывал сейчас Таранцев. И судьба периодически склоняла чашу весов то в одну, то в другую сторону. И получалось, шатало его из стороны в сторону. И не ведал он на самом деле, чью в итоге примет сторону. Потому что нравилось ему и так и этак. Как, впрочем, было и все в его жизни. И потому в отличие от многих других жил он не одну жизнь, а как минимум две. Или же одну - но в двух вариантах. Когда на любое действие был еще один вариант. И любую жизненную ситуацию можно было в итоге повернуть и в ту и в иную сторону.

Притом что как будет лучше -- Таранцев не знал. Задумывался, конечно. Но не знал. А сами раздумья иногда могли закончиться для него и вовсе чем-то до странности нехорошим. Тупиком, в общем. Жизненным тупиком. И когда близилось нечто подобное, Таранцев готов был бежать сломя голову. Но не бежал, понимая, что от себя не убежишь.

Вообще-то Феликс Васильевич Таранцев был образованным человеком. Имел высшее образование. Планировал получить еще одно. Думал даже о получении ученой степени. В общем, был во всех отношениях положительным человеком. Да к тому же был еще и добрым. Работал чиновником в госструктуре. Работа не пыльная, сиди, перебирай бумажки.

Но вот не любил Таранцев те моменты, когда в него вселялся бес. То есть вроде как был человек один, а тут вдруг словно ветром наносило нечто такое, отчего преобразовывался

Феликс Васильевич самым загадочным образом. И даже если стремился к чему-то, то, пребывая в таком состоянии, уже мог ни о чем и не задумываться. Потому как все равно знал, что провалится в пустоту. В пустоту неизвестности. Потому что не ведал, каким выберется из нее. Почему-то казалось, что окажется он с изменившимся сознанием. А оказывалось, что пока он оставался таким же после возвращения, как и уходил. Ну, или не уходил, а его уносило. Уносило без какой-либо возможности обрести покой.

Но пока так случалось, что он его все-таки обретал. Хотя и чувствовал Феликс Васильевич, что с каждым разом становилось все сумбурней на его душе. А что до сердца, так там вообще была какая-то странная тяжесть. Которой еще недавно, вроде как, и не должно быть. А вот была. И тогда... Тогда искал Таранцев успокоения в женщинах. Каким-то образом женщины действовали на него успокаивающе. Он подбирал их по интернету, часами просяживая на сайтах знакомств, делая только ему известный анализ представленных женщинами анкет, пока наконец не находил одну единственную, с которой разом загорался желанием переспать. И тогда он составлял ей такое письмо, от которого мог устоять уж совсем черствый человек.

Но среди отобранных Таранцевым таковых не было. Потому что никогда не писал он в пустоту. А поначалу действительно все прорабатывал более чем тщательно.

.....

Девушку звали Вера. По внешнему виду она походила на прожженную мадам из тех, кому за тридцать. Но, судя по тому, что было написано в анкете - походила скорее на черта в юбке.

Причем красива была до безобразия. А в глазах ее был написан исключительно разврат.

И вот как раз этот разврат и смутил Феликса Васильевича. Потому как написал он ей, и уже на следующий день встретился, а вечером переспал. Ну, то есть, оказался прав по поводу возможности всего и сразу. Хотя с другой стороны, он ведь и анкеты смотрел такие, где девушки и женщины согласны были на все и сразу. То есть на не просто знакомство, а знакомство с неизменным интимом. Причем желательно - в день знакомств.

Таранцев надежды дамы оправдал. Причем, даже не задумываясь об этом. Чем в какой-то мере и поплатился, потому что, желая после секса свалить, он понял, что так просто свалить не получится. Причем, конечно же, Вера его не держала. Но вот задала она несколько каких-то загадочных фраз. Причем как будто к делу совсем не относящихся. А в итоге получилось, что как будто и уйти хотел Таранцев, а не мог. И словно непреодолимая сила тянула его на Веру. Поэтому совсем скоро он совершил еще один акт любви. Что, по его мнению, в его сорок три года было некоторым перебором. По крайней мере, раньше так часто у него не получалось. Но с другой стороны раньше ведь и не было рядом Веры. "Она, она привязала его",--подумал Таранцев о себе в третьем роде, и, получалось, уже как о неживом человеке. Что очень ему не понравилось. И он постарался тут же изменить проговариваемый набор (и относительный) порядок слов. После чего даже вслух произнес нечто такое, что Вера посмотрела на него широко раскрытыми глазами. И на самом деле видимо тогда уже задумалась о том, что что-то все-таки происходит с Феликсом Васильевичем не хорошее. Ну, или хорошее, но все же не совсем

то. И видимо тогда же решила Вера изменить его. Можно сказать вылечить. Хотя и специалист по нейролингвистическому программированию Вероника Хараказ не очень любила слова типа лечение и прочее. Предпочитая лучше вообще об этом не говорить, чем говорить что-то такое, отчего явно будет чувствовать ее собеседник дискомфорт. А если дискомфорт, значит и затруднение в общении, и, главное, затруднение в получении от нее информации. Информации, согласно которой она могла управлять практически любым человеком. Ну, разумеется, если этот человек не был по уровню мастерства выше ее. А таких на ее пути... Хотя, встречались, конечно же. Но в последнее время тридцатидесятилетняя Вера Хараказ предпочитала использовать свои навыки на тех, кто не мог бы ей противостоять. И одним из таких людей оказался Таранцев. Который недоумевал, каким же образом он не может отвязаться от этой женщины. А даже наоборот, его всячески тянет к ней. И он уже даже (совсем неожиданно для себя) проникся к ней такой любовью, что уже если и хотел жить и думать по своему, то не мог. А если и жил, то сам Таранцев понимал что это не так. Хотя бы потому, что поступки он стал совершать такие, которые были не свойственны ему раньше. И с этим как будто ничего уже не мог поделать. Эта женщина подчинила его. Так считал сам Феликс Васильевич.

А вот Вера отчего-то в первый раз (быть может и в первый раз за долгое время долгой практики) почувствовала, что еще не совсем находится этот человек в ее власти. Притом что ни к какой власти она не стремилась. А просто коллекционировала мужчин. Которых у нее, помимо Таранцева, было уже десятка два. Причем каждый считал (Таранцев, например, считал так же) что

был единственным. Тем единственным, которого она любила и подчинялась. Ведь она действительно подчинялась им всем. В постели. А они, глупые, считали, что подобное подчинение располагается и на остальную жизнь. И вели себя как хотели. А на самом деле делали то, что хотела от них она. А если не хотела, то все равно жили так, как хотелось бы ей. Словно с бессознательной оглядкой на нее.

И были у Веры Хараказ на каждого соответствующие рычаги управления. Благодаря которым накладывалось определенное табу на какие-то поступки и мысли. А что-то наоборот, беззаговорочно разрешалось.

И наверное каждый из мужчин Веры Хараказ мог сказать, что после встречи с Верой изменилась его жизнь удивительным образом. Потому что стал неволен он уже над своими поступками. Да и совершал порой те поступки, которые ранее были ему не свойственны.

.....

Таранцев стал чувствовать, что что-то не то. Прежде всего, он удалил свои анкеты со всех сайтов знакомств, в которых когда-то был зарегистрирован. Во вторых, уничтожил имеющуюся картотеку (базу данных) которую вел последние несколько лет.

Теперь он мог начать жизнь с чистого листа. Потому что даже место его работы, где раньше ему виделись какие-то перспективы, его теперь не устраивало. И совсем скоро ему предложили другую работу. Причем, почему ее предложили именно ему, Таранцев еще по привычке начал раздумывать, да теперь никакой раздумчивости не получилось. У него вообще

куда-то исчезла неуверенность. И он совсем неожиданно для себя стал действовать решительно и наверняка. А в те ситуации, где могли быть раньше какие-то раздумья, он вдруг каким-то таинственным образом перестал попадать. И все было ясно и понятно. А он уже даже и не пугался этой ясности.

Тогда как раньше в любой ясности видел подвох. И предпочитал эту мнимую ясность самым надлежащим образом проанализировать.

Но то было раньше. Сейчас Таранцев стал другим. А из души его каким-то образом уже чуть ли не окончательно исчезла тревожность. Правда, окончательно она не исчезнуть не могла. Но у его тревожности словно бы сменились акценты. И теперь та стала проявляться главным образом когда не было рядом Веры Хараказ. И Таранцеву в таких случаях хотелось в срочном порядке отыскать Веру. И любить ее самой отчаянной любовью с половым уклоном. А она чтобы не сопротивлялась и отдавалась ему с пылом настоящей страсти. Доставляя Феликсу Васильевичу такое удовольствие, что ему хотелось от этого веселиться. И даже смеяться. Тогда как он давно уже решил смех из своей жизни исключить. Ну, если не окончательно, то по крайней мере здорово ограничить его. Оставив для каких-то исключительных случаев. Которые, рассчитывал, не наступят.

.....

И получалось так, что чем больше Таранцев стремился удалиться от Веры, тем наоборот - привязывался к ней. И уже даже восклицал иной раз (в самые отчаянные минуты), что, мол, все, устал, хочет свободы и прочее, это еще совершенно ничего не

значило. Потому что уже почти тут же бежал он к Вере Хараказ как побитая собака. А она позволяла себя любить. И он не ведал, что его так программирует: ее тайные манипуляции, или же сексуальное желание, которое она провоцирует всем своим поведением. Поведением в котором просматривается исключительная доступность. И возможность реализовывать все и вся, возникающее в его бессознательном. Которое распоясалось в последнее время самым безобразнейшим образом. Ну а он ничего не мог поделать. И только поддавался влиянию его. Ну и уже получается влиянию Веры Хараказ. Женщины, которую любил.

И понял Феликс Васильевич, что может и не стоило ему так-то уж мучиться да страдать. А и сами страдания вполне могли бы уже давно исчезнуть, сублимировавшись, например, в страсть. И тогда уже оставалось ему не препятствовать какими-то своими мыслями этой страсти. Тем более что у него была действительно женщина, которую он мог любить на раз и не два, а всегда. "А там уж как получится", --подумал Таранцев, и стал названивать Вере, с просьбой приехать и удовлетворить его. Он уже не мог ни без Веры, ни без страсти. Попал, получается, в зависимость. В зависимость от любви. И в зависимость от женщины, которую любил. Ну а что он мог поделать... Тем более если его женщина сама хотела этого. А он просто шел у нее на поводу.

Сергей Зелинский

27.08.2006 год.

рассказ

Полет фантазии

Загадка, конечно, но Стас Вишня все время мыслил образами, и не хотел спускаться на землю.

Ему как вроде даже предлагали спуститься, но он не хотел. И не потому, что был какой-то вредный, или, что еще сложнее - беспринципный. Совсем нет. Просто так получалось, что уже к своим тридцати двум годам Стасу все надоело. И он совсем не хотел думать о чем-то достаточно масштабном. И даже получалось, что многое у него выходило как-то само собой. Словно бы сначала он на что-то обратил внимание, а потом благополучно забыл это. А уже после, по-прошествии времени, когда уже сразу и не вспомнить было былые размышление,-- вдруг чувствовал, что все получилось так, как он того желал. Как он,-- вспоминал Стас,--размышлял когда-то. И даже так получалось (Стас об этом немного опасался произносить вслух), как он того хотел.

Не хотел он об этом произносить вслух потому как получалось так, что через время то, о чем он говорил (даже не думал, а именно говорил), сбывалось. Причем для этого зачастую достаточно было просто сказать вслух самому себе. Но еще эффективней - когда он об этом говорил (а лучше доказывал - неистово и самоотверженно) кому-то. Вот как раз тогда, даже вроде как и независимо от того, какое он произвел впечатление на собеседника, через какое-то время все сбывалось. И получалось так, что со временем все вроде как и забывалось. А тут на тебе, происходило что-то такое, после чего у Стаса Вишни действительно появлялся повод задуматься над всем этим. И уже словно бы даже получалось, что все было и не так, как надо. Иной раз даже могло быть и вовсе не так. А вот нет. Словно бы

происходило какое чудо. И уже получалось, что проходило совсем незначительное время, Стас успевал забыть обо всем, и только какая-то частичка доброты оставалась в его душе. Да и ему действительно становилось легко и приятно в его душе.

Несколько опасаясь избитости штампа можно было бы сказать - его многострадальной душе. Но если мы и не станем упоминать это слово, то все равно обязаны сказать, что все это было именно так. И Стас страдал все свои годы. Причем, страдая (вот уж удивительная особенность), он совсем не обрекал на страдания других. А как будто уже наоборот, получалось, что он совсем не желал, чтобы кто-то из его знакомых (не говоря уже о близких и друзьях-товарищах) испытывал какое-то нехорошее чувство в своей душе после общения со Стасом. Как раз нет. Среднего роста, худощавый, со слегка заостренным профилем лица (свою роль видимо играл нос с горбинкой), и по детски наивной улыбкой, Стас Вишня (фамилия его была настоящая, от папы с мамой; как и голос с хрипотцой) располагал к себе людей. И после общения с ним - им хотелось общаться еще.

Женщины вот только Стаса не любили. Хотя вероятней -- все-таки влюблялись.

Но он сам обрывал любую привязанность к себе. Так Стасу, по его словам, было спокойнее. И ни к кому не привязываясь, этот еще достаточно молодой мужчина желал только одного: страстной любви.

Что было как минимум весьма забавно. Он, который видел, какую реакцию испытывают женщины при виде его (некоторые женщины, верил Стас, готовы были сразу отдаться - при надлежащем случае, разумеется),-- старательно избегал

продолжения общения с ними. И всегда опасался переступить ту черту, после которой - со стороны и женщины и себя - было возможно многое.

И при этом (пусть не покажется удивительным, что это было так) Стас Вишня страдал. Страдал самым надлежащим образом, почти не привлекая, конечно, чьего-то внимания, и при этом считая, что просто обязан хорошенько помучиться, чтобы уже позже (думал он наверняка что будет после) что-то изменится в его многострадальной душе. Изменится, конечно, к лучшему. На другое Стас и не рассчитывал.

.....

Как-то получилось так, что Стас влюбился. Вернее, подумал, что было бы совсем неплохо ему в кого-нибудь влюбиться. И думая так, посчитал, что если внимательно посмотреть вокруг, то он найдет ту женщину, которая могла бы ему понравиться. А понравившись...

Ну, так далеко Стас пока не загадывал. Он просто вдруг поверил, что в его силах несколько изменить окружающую его жизнь. И даже понял, что вполне это способен сделать уже сейчас; не откладывая, как говорится, в долгий ящик.

Проблема заключалась в том, что Стас не мог ни в кого влюбиться по принципу. Он просто не верил людям. Почему-то считал, что со временем они его предадут. А если он откроется им (влюбленность предполагает веру, а значит и открытость в отношении другого человека, и косвенно - вообще всех людей), то это предательство случится быстрее.

В чем-то он, наверное, был прав.

Но было бы слишком нелогичным полностью полагать так. Хотя бы потому, что всегда и во всем бывали исключения. И если не учитывать подобных исключений, то почти наверняка это уже будет означать блужданием при свете. Ну, или в потемках, когда можно зажечь свет, находящийся под рукой.

Приятная метафора Стаса несколько приободрила. Посчитав, что все действительно в его силах, он решился на некий эксперимент, от результата которого, быть может, будет зависеть и вообще все его дальнейшее существование. Ну что уж точно, прежде всего, в его сознании, выстроиться более явная модель того, что, собственно, ему необходимо совершить.

.....

В последующие несколько недель Стас Вишня пересмотрел многое из уже как будто утвердившегося в его жизни. Столь длительный срок потребовался потому, что иной раз вроде как и не зависимо от своего какого-то желания Стасу приходилось возвращаться назад, чтобы нечто, не поддающееся первоначально какому-то осмыслению, обмозговать еще раз. Иногда требовались вторые и третьи разы, но в итоге вроде как и доселе неразрешимое поддавалось ему.

И тогда в его душе наступал маленький праздник. И главное - все становилось на свои места. Пусть пока и не такие упорядоченные, но все же уже было понятно и осознаваемо. Причем даже то, что пока он не понимал (было и такое), Стас уже знал, что со временем все разрешит. Просто потребуется еще какое-то время. Но он к этому времени был готов. Даже теперь можно было сказать - более чем готов.

Но вот о любви уже не могло быть и речи. Стас как-то быстро понял (и, рассудив - поблагодарил себя), что он должен быть по жизни один. И никто ему не только был не нужен, но и какая-либо совместная жизнь могла быть в его случае вообще чревата ненужными для него приключениями. Даже может быть серьезными огорчениями. В общем, Стас решил не влюбляться. А решив - поблагодарил себя за это.

.....

В течении еще более длительного времени перед Стасом одновременно вставали различные проблемы, трудности, которые после все равно сходили на нет, он вроде успокаивался, а после все начиналось сначала. И при этом нельзя было сказать, что Стас так уж явно обо всем переживал. Да и не переживал он вовсе. В его голове с недавнего времени царил атмосфера какой-то одновременно и легкости и загадочности. Благодаря легкости он многое уже не воспринимал всерьез. А с помощью загадочности Стас Вишня погружался в бездну жизни, обрамляя свою жизнь мириадами частиц неизведанного и загадочного, и не успокаиваясь, пока не разгадывал хотя бы одну из них.

В общем, кто-то сказал, услышав про такое, что Стас сходил с ума. Сам же Стас Вишня с какой-то загадочной улыбкой тогда посмотрел на этого человека. А после удивлялся своей такой реакции. Понимая, что в его жизни многое еще будет. Так к чему ему горевать или раскаиваться сейчас. Отвечая себе что ни к чему. И ведь как легко стало после этого на душе. Ему даже показалось, что именно к такому состоянию фактически он стремился всю жизнь. И что уж точно, теперь ни за что не хотел с подобным состоянием расставаться.

Ну а те, кто считал с этих пор Стаса сумасшедшим, ошибались. Это было не так. Он это знал и сам, а потому не только нисколько не расстраивался за подобное мнение, но иногда его всячески и поддерживал. По крайней мере, так ему было спокойнее.

Сергей Зелинский

29.09.2007 год.

рассказ

Просто жить

Он мог долго еще ходить по краю, да устал, и немного замерз.

И ведь, что было странным... Валя Кумачев не был каким разнеженным человеком. Даже сейчас, в свои сорок, он до сих пор оставался человеком слова и дела. Ну, это когда дела не расходились со словами.

И ведь сам ничего не делал, лишь управлял. Но как раз управление самое-то и трудное. Потому как яму начать копать может любой, а придумать, где взять экскаватор, да еще и договориться без денег - здесь уже не каждый. Далеко не каждый. А то и вообще, таковых были единицы. И Валя всегда был рад - что принадлежал к их числу.

Хотя еще пару лет назад он этого не осознавал. И все, что происходило с ним, случилось словно бы тогда, когда он в полной мере не отдавал отчет в том, что происходит. А делая попытку что-то проанализировать - Валентин почти непременно наталкивался на бездну того, что он упустил раньше. Да и что такое - раньше? Раньше он действительно не обращал внимание на

что-то такое, что, как оказалось, способно в дальнейшем привести вот к такому вот раскладу. Притом что Валя до сих пор не отдавал отчет в том, что и как должно (могло) произойти. Все казалось ему слишком преждевременным. И если предположить, что он действительно способен был предпринять какие-то шаги, способные разрулить такую ситуацию, то это действительно было так.

Но вот так выходило, что мало он что, по сути, мог, а еще меньшее - хотел.

И почти ни к чему не стремился.

Можно было предположить - такой был в жизни Вали период. И это было так. Потому как во все остальное время Валя был настоящим энтузиастом. Он делал многое, а хотел сделать еще большее. И ничто не способно было заставить его даже остановиться, дабы задуматься о том, что он делает, и сказать себе: чужак! Ты делаешь не то!

Или попытаться структурировать бег по жизни, разделив его на этапы, на преодоление оных, и на новые забеги.

К слову сказать, в теории (если бы Валя подобное попробовал бы) у него все могло получиться. И он, зная это, догадывался о том, что как раз в жизни будет все по-другому. Потому как жизнь...

Жизнь Вале казалась настолько сложной, что он, иной раз, и продолжать ее не хотел.

Хотя и так-то вот закончить - никогда бы не решился. Потому как все больше ему представлялось, что будет когда-нибудь так, что он запросто сможет подойти к любой

проблематике с чуть ли не готовым решением. А, зная ответ, согласитесь, всегда жить легче...

Валя Кумачев, сорокалетний человек, жил в большом городе, и мечтал уехать в еще больший.

Сейчас его родной город с трудом дотягивал до миллиона жителей. Тогда как только однажды Валя побывал в городе с пятиmillionным населением, и навсегда загорелся желанием переехать туда.

Он и переехал.

Да вот пожив там какое-то время, понял, что город его не принимает.

Надо было уезжать.

Уезжать - или менять менталитет.

Валя выбрал второе.

На это потребовалось десять лет.

И вот сейчас, по прошествии столь недолгого как оказалось времени (недолгого в масштабах вечности; а Валя на многое стал смотреть теперь в таких масштабах), Кумачев Валентин вдруг понял, как ему необходимо жить. Как стоит строить эту жизнь. К чему на самом деле он может стремиться. Что в его силах достигнуть. А что бы он вообще хотел достигнуть...

Валя задавал себе вопросы, и заранее зная ответ, тянул время, наслаждаясь моментом таких знаний. Ведь это раньше он - не зная ответа, и не стремился узнать его, а все больше хотел как раз избежать дальнейших расспросов.

Теперь он стал другой. Теперь Валя - если того требовала действительность - сам лез в бой. Сам даже (случалось и такое)

провоцировал постановку ему вопросов (вопросов от жизни, например), и с легкостью (и жадностью) отвечал на них.

И ему стало поистине хорошо жить. Ведь теперь не надо было мучиться, переживать о чем-либо. Все его переживания как раз отошли (а то и вовсе куда-то ушли). А сам он...

А сам Валя Кумачев стал вдруг теперь просто жить. И убедился, что даже просто жить - это прекрасно. Прекрасно - и замечательно. Жить, не накручивая в своей голове какой-либо ахинеи, от которой уставал, запутывая себя и тех, кто пытался помочь разгрести этот бред разума. Да и сам разум уже стал как-то избирательно относиться ко всему, что попадало в поле оценки действительности. А то и сама действительность стала иной. Она даже словно (стало казаться Вале) ждала чего-то подобного, чтобы измениться. И изменяясь, увлекала за собой Валентина. Который стал наслаждаться моментом. И даже стал жить этим моментом. А то и влюбился в то, что происходило с ним сейчас. И ни за что не хотел изменять своему состоянию. Ведь он понимал, что всего этого, быть может, и нет на самом деле.

--Но даже если это так,--говорил он себе,--и не продолжая фразы верил, что эффект от подобного несравненно выше любой самой распрекрасной реальности. Потому как реальность - реальность когда-нибудь заканчивается. А вот то где он находится сейчас - это как бы навсегда.

--Дайте мне просто жить,--молил когда-то Валя кого-то, а теперь стал он просто жить. Жить, не задумываясь о том, что да как будет завтра, послезавтра, да и вообще - всегда. Ему хотелось, чтобы всегда оставалось так же, как и сейчас.

По большому счету Валентин понимал, что он ни кого и не должен просить, просто потому, что все равно не послушает ничье мнение, кроме своего. А своего как будто специально не примет, положившись на нечто приходящее к нему интуитивно-загадочным образом. Тогда как при желании он вполне мог бы и отстоять свое такое мнение, потому как попросту привык доверять тому, что приходит к нему посредством каких умозаключений. Полагая, что это действительно необходимо и оправданно, потому как, предполагал он, подготовлено словно бы заранее соответствующим настроем, прежде всего, вследствие подпадания в соответствующие условия.

И тогда уже оказывается так, что Валентин Кумачев даже знал нечто большее, чем мог сказать. Потому как знания его в таком случае явно носили характер интуитивно-мыслительный. Когда во перед угла ставится то, что пришло интуицией, нежели чем опытом. И при этом как раз опыт как будто не ставится под сомнения. И априори следует считать так, что все что необходимо - произошло и состоялось.

Ну а если допустить так...

Впрочем, Валя допускал такое в последнее время все чаще. И допуская, он тем самым помогал себе чуть менее, чем приходилось доселе задумываться над вопросами, ответы на которые хоть он периодически и искал, но в то же время они уже были как бы ему и не нужны.

Ну, или не нужны - но тогда предположим, что он позволить себе (приняв во внимание все и вся) временно самоустраниться от них. Полагая, что все равно придется

возвращаться через какое-то время. А сейчас как бы - взять отсрочку.

Отсрочка могла носить и временный характер, и весьма затягиваться.

Но как бы в тех вопросах, к разрешению которых подходил Кумачев, это уже не имело практического значения. Потому как понимал он в последнее время несколько больше, чем раньше. И, собственно, радовался этому. Хотя и радость проявлял неким все больше таинственным образом. Понимая, что все это так, а не иначе, а если так - то как бы уже и не следовало об этом говорить лишнего.

А вообще Валентин Кумачев был хорошим человеком. Путался немного в жизни и по жизни, но то, что выходил в итоге на верную дорогу - было фактом.

А потому, быть может, и общалось с ним значительное количество людей. Причем большинство из них стремилось к Кумачеву само. А он всех принимал в свой круг. Пока не понял, что круг этот не только расширился до невообразимых размеров, но и потерялась сама необходимость какого-то общения вследствие потери продуктивности бесед.

А последние - словно в подтверждение - становились все больше поверхностными, туманными, и витиевато-затянутыми. Так что как-то быстро стало всем понятно, что продолжать их не было никакого смысла. А значит... А значит, собственно, и все. Надо было или что-то менять, или все равно перекраивать - но делать это не сразу, а медленно и постепенно.

Трудно было сказать Вале Кумачеву, как и что было делать ему лучше на самом деле.

Он даже сам знал за собой привычку внезапно запутываться, после чего уже невозможно было ничего вернуть-распутать. А все, на что он становился тогда способен - это привести себя в более-менее трезвое (адекватное) расположение духа, после чего сделать еще рывок к новым рубежам. Быть может даже и понимая, что достижение их есть очередная утопия его запутавшегося в реальности разума. И если что возможно сделать, так это попытаться: а) остановить мгновение; б) зайти с другой стороны.

--И может даже в другое время,--как пошутил кто-то из знакомых Кумачева. У него ведь, несмотря на все пертурбации с его сознанием, продолжали появляться знакомые. Которые стремились в душе ему помочь. А кто-то с таким же энтузиазмом стремился наоборот - воспользоваться его слабостью. Чтобы добиться что-то для себя. Даже, может быть, добиться того, что ему совсем не нужно. Кто знает...

Валя Кумачев уже стал догадываться, что понимать что-то он стал хуже, чем это было раньше. И ему бы предположить, что находится сейчас он просто на новом этапе развития, и все что ему необходимо - замереть, остановившись.

А оказалось все наоборот. Он принялся вновь и вновь запутывать себя. Пока вдруг не понял, что ему надо просто жить.

Он и стал - просто жить. Жить немного в вымышленном мире. Ну, тут уж, как говорится, мир, какой есть. Да и в другой бы Валентина не пустили...

Сергей Зелинский

03.12.2007 год.

рассказ

Поворот судьбы

Можно было, конечно, удивляться многому. Но как-то так вышло, что за свою жизнь Вера Нежина удивлялась так много раз, что незаметно для себя прекратила удивляться вовсе. И словно бы стала принимать жизнь такой, как есть. Как та была. Как та, быть может даже, могла быть. Особенно если бы Вера Нежина ничего не знала про то, какой эта жизнь должна бы быть. Но она ведь знала. В том и вопрос что знала. И тогда уже ее нынешняя позиция не больше чем подстраиваемость под какое-то настоящее. Тем более что прошлое она знала. А будущее предполагала, какое-то могло быть при подобных раскладах. От которых, надо заметить, Нежина все время старалась как-то дистанцироваться. И у нее даже получалось. Не всегда, конечно. Но иной раз это было так. Потому и оставалась она, в последнее время, довольна собой. И считала, что многое у нее может получиться вообще исключительно замечательно. Ну, если, разумеется, она не будет излишне подгонять судьбу. Сводя жизнь к единой спешке. Которая была ей на самом деле не только не нужна, но и в какой-то мере даже противопоказана. Ведь так выходило, что совсем не знала она... Она вообще тут поймала себя на мысли, что знает неприлично мало. И пошла учиться.

Подруги и муж качали головой в легком недоумении, а Вере как-то вдруг стало безразлично и до их мнения и до их недоумения. Потому что она совсем неожиданно нашла себя. Да еще и влюбилась, до кучи, в преподавателя. Который ей поначалу даже и не понравился. Ну, или вернее, она просто не обратила на

него внимания, подсознательно полагая, что не было в нем ничего существенного (ничего - заслуживающего ее внимания).

А тут вдруг присмотрелась, разглядела, и полюбила самой отчаянной любовью, на которую только могла быть способна тридцатисемилетняя женщина. Женщина, надо заметить, весьма симпатичная. Стройная, чуть выше среднего роста, черненькая. Ну в общем, жить бы ей и жить (муж, ребенок, любимая свекровь и свекор, который тайно был в нее влюблен), а тут на тебе. Что-то нашла в невзрачном очкарике-преподавателе. Который был и ростом чуть пониже ее, и почти вдвое шире, и прическу носил какую-то непонятную, и взгляд имел вечно недоуменный, да и не любил видимо себя вовсе. Так показалось Вере. А она (словно для эксперимента, точнее - убедив себя, что в случае неудачи это можно списать на неудачный эксперимент) решила присмотреться к нему получше. А присмотревшись, поняла, что на самом деле все не так плохо. Особенно если вставить вместо очков линзы, посадить на диету, причесать, подогнать мешковатую одежду по росту и размерам, и следить чтобы не горбился. Ведь тогда чем черт не шутит - может получиться даже очень неплохой мужичек. Тем более открылось Вере, что был Тихон Васильевич (преподаватель) мужчина вежливый и обстоятельный. Ну а взгляд и манера шутить ни к месту, как-то быстро объяснилось тем, что у него долго не было женщины. А если мужчина долго без женщины, да еще если и думает все время о том, что он без женщины, то становится похож он на этакого дурачка. В том плане что иной раз ведет себя... Ну в общем, в поступках своих совсем забывает о возрасте, при котором, в мнении окружающих, вполне уже должна была

проявляться степенность. И даже если не степенность (не каждому это и дано), то уж в сорок три (столько было Тихону Васильевичу Хренникову) таким придурком было выглядеть как минимум глупо.

Но оказалось что он вовсе не придурок. А если и казался таковым, то исключительно от переполнявшей его радости. Притом что вскоре он и вовсе преобразился. И еще даже не переспав с Верой (Вере почему-то тоже захотелось переспать с доцентом Хренниковым), Тихон Васильевич стал как будто совсем другим. И что уж точно, он почувствовал внимание к себе со стороны женщины. Особенно после того, как, однажды провожая его (шел провожать он, получилось наоборот), она на прощание, словно случайно, вложила в его руку свою грудь. И хоть грудь была под одеждой, но Вера явно ощутила, как инстинктивно сжались пальцы Тихона Васильевича. И она уже ожидала продолжения, да доцент Хренников вдруг как-то смутился, извинился, и чуть не убежал. Вера быстро поцеловала его в щеку (для Хренникова по воздействию на его сознание это было равносильно миньету) и ушла. А он стоял в недоумении, размышляя о том, какая начинается у него счастливая жизнь.

А на следующий день доцент Хренников признался Вере в любви. Причем по внешнему виду Тихона Васильевича было заметно, что он не спал всю ночь. А он и действительно не спал. Он всю ночь анализировал случившееся с ним. И при любых расчетах именно прощальный Верин поцелуй перевешивал все. Словно козырным тузом перекрывал он любые сомнения. А ведь жизнь Тихона Васильевича состояла почти исключительно из сомнений. А тут вдруг как-то быстро, разом, и словно бы даже

независимо ни от чего, разрешились эти сомнения. Отчего становилось все ясно. Сразу и бесповоротно. Ну и хотелось, собственно, жить дальше.

.....

Давно уже доцент Тихон Хренников не замечал в себе желания жить дальше. Он, конечно, жил. И о смерти вроде как не думал. Но вот если бы спросили его, живешь ты с радостью или с печалью, наверняка задумался бы Хренников. Ибо обманывать не привык, а правду говорить не хотел.

.....

А вообще по жизни он был неудачник. По накатанной закончив школу--институт--аспирантуру, защитив диссертацию и получив звание доцента, Тихон Хренников как бы старался и не задумываться о том кто он есть. Потому как знал, стоит ему задуматься, и тотчас же на жизнь начинала опускаться маска печали и тревоги. Хотя и тревожность, развивающаяся в его душе, была на самом деле неким катализатором, помогающим сдерживать излишне наслаивающиеся на сознание обстоятельства жизни. Превращая эту жизнь попеременно то в тягость, то в праздник. И фактически все время держа Тихона Васильевича в некоем подвешенном состоянии. Потому как не мог он в полной мере распоряжаться своей жизнью. Была она у него расшатана, разболтана, да и вообще, не такой, какой он хотел ее видеть.

Притом что в душе Тихон Хренников стремился исключительно к порядку. Даже, быть может, и сам состоял из порядка.

Но вот порядок, на самом деле, в его душе редко когда наступал. А что наступало? Да сущее безобразия. Всякая ерунда, в

общем, шла в его лысую голову (по недоразумению - Вера попросила подстричься, он состриг все волосы - Тихон Васильевич стал вдруг совершенно лысый). И если бы только эта ерунда... Вера давно уже подозревала, что доцент Хренников придурок, каких свет не видывал. Но она и не могла ничего изменить. То ли своей тревожной нервозностью, то ли еще каким психопатологическим безобразием, но Тихон Васильевич притягивал девушку к себе; и даже если бы она захотела, то вряд ли смогла бы так просто соскочить с крючка. Притом что глупо было бы подозревать Тихона Васильевича в разбрасывании каких-то крючков, наживок и проч. Это действительно был придурок каких мало. Но точно так же он и действительно обладал какими-то чертами (то ли во внешности, то ли в характере) после чего люди, раз-два пообщавшиеся с ним, уже не могли так просто избавиться от мыслей об этом человеке. Словно тревога накатывала на них в таких случаях (в случае принятия решения послать Хренникова к черту). И они вновь и вновь были вынуждены умирять себя. И чуть ли не на поклон идти к этому человеку. Который, создавалось впечатление, и не понимал оказываемого им на других влияния. По крайней мере внешне ничем не выражал. А как только видел в зоне внимания какого знакомого, тут же принимался рассказывать ему очередную белиберду из собственной жизни. После чего тот знакомый улучал момент и бежал сломя голову. Коря себя за неистребимое желание показываться на глаза этому недотепе. Потому что такими же придурками (пусть и только на какое-то время) становились они. И это им не нравилось.

.....

Вере удалось посредством невероятных усилий изменить отношение Тихона Васильевича к жизни. Теперь он не был уже настроен так отрицательно к этой самой жизни. И даже мог признаться себе, что не только любит женщину (в минуты кризиса он, было, уже начал посматривать на мужчин), но и желает ее. О чем пока, конечно, не мог признаться Вере Нежиной. Но дарил ей такие раздевающие (и совращающие ее) взгляды, что Вера Нежина запланировала в самое ближайшее время переспать с доцентом Хренниковым. Посчитав, что лучше переспать с ним добровольно, чем он будет при каждой встрече насилловать ее взглядом.

На удивление, в постели Хренников не показал ничего того, что Вера уже было намечтала. Ей, если честно, вообще не понравилось. И хотя она улыбалась и говорила что все в порядке, и он очень хороший любовник, по тому, сколько раз она это повторяла, Тихон Хренников понял, что он вообще ни на что не способен. И уже хотел, было, опуститься в омут депрессии, да Вера как-то ловко сделал ему миньет. Причем на этот раз у Тихона Васильевича все получилось. Правда, он не смог бы признаться Вере, что для того чтобы все получилось, представил на месте ее другую женщину. Но это, быть может, было и неважно. Сам ведь процесс прошел удачно. И завершился тем, чем должен был. Чему подтверждение Вера, сидевшая перед ним, и наносившая на свои губы новый слой помады взамен съеденной во время сеанса любви.

Тихону Васильевичу даже показалось что он герой. Не герой-любовник, конечно (пока такой статус если и виделся Хренникову, то только в самых смелых снах, да и то, если честно, было подобное только один раз, когда он смешал какие-то

алкогольные напитки, уснул, а во сне стал вдруг таким, что готов был брать пример с себя), но то что было, видимо тоже было неплохо.

И еще. После произошедшего с Верой, у Тихона Хренникова внезапно прошли те многочисленные сомнения, которыми доселе была с избытком насыщена его жизнь. И ему уже через время стало казаться, что какого-либо душевного негатива у него и вовсе не было. А что было? Да то что и сейчас: безмерная радость и счастье. Счастье для доцента Хренникова являлось производным его духовного общения с женщиной, с Верой Нежиной. Радость давало ему половое общение с ней. И на удивление как-то быстро у Тихона Васильевича все выравнилось и сравнялось. И он даже подумал, что вполне может рассчитывать на продвижение, на карьерный рост. Притом что об этом как-то не мог он даже задумываться ранее. Потому что раньше не жил, а выживал. Теперь же все стало удивительным образом наоборот. И его былые многочисленные стремления к достижению какого-либо результата подкреплялись вниманием к нему Веры Нежиной. И это поистине вносило успокоение в его больную, ну или точнее - выздоравливающую, душу. И ни о чем другом он старался не думать. Поэтому когда однажды Вера внезапно отменила их встречу, сославшись на день рождения мужа (встречу отменила внезапно; когда назначала - забыла про праздник рождения мужа), Тихон Васильевич очень огорчился. Но вскоре успокоился, и понял, что попросту должен отбить свою любимую женщину у другого мужчины.

И при этой мысли он был преисполнен решимости действительно сделать это. Причем, наверное, готов был даже силой забрать ее. И мужу...

Реальность, к сожалению, была другой. Доцент Хренников как-то никогда не занимался ни спортом, ни даже физкультурой. А муж Веры был крепкий и немного тупоголовый мужчина. То есть, как понял Хренников, была вероятность того, что, узнав о нем, муж Веры Нежиной вообще поколотит его. А может даже и избьет. Как собаку. И потому...

Ну, в общем, какое-то время в голове доцента Хренникова рождались различные идеи, от киллеров до переезда в другой город; а потом он внезапно понял, что Вера Нежина ему не нужна. Просто не нужна.

И уже стало приходиться в его голову все, что могло убедить его в подобной мысли. Среди выдвигаемых доводов лидировало мнение, что Вера Нежина является женщиной легкого поведения. А с ним, с доцентом Хренниковым, решила не только переспать, но и влюбиться его по причине своего обучения в вузе, в котором он являлся преподавателем (Хренников к тому же был ее научным руководителем, фактически написав ей диплом и уже давно окучивая возможных членов комиссии, формируя в их подсознании положительный образ студентки Веры Нежиной). И все это вдруг как-то разом отвратило Хренникова от желания общаться с Верой. И он даже перестал ей звонить. А на занятиях был подчеркнуто корректен. Мысленно говоря ей - "отстань, бесовка"...

Не помогло. Когда Вера, уловив момент и сделав доценту Хренникову миньет прямо в аудитории, после чего выпорхнула,

---

оставив его наедине с его мыслями, Тихон Васильевич признался, что продолжает любить Веру Нежину. И будет любить, даже если она будет продолжать оставаться женой другого. И никогда не станет женой его. "Вера Нежина - не жена моя",--повторил Хренников напросившийся каламбур и ему стало даже как-то весело. И что уж точно, он успокоился и стал готовиться к следующему занятию.

А что до Веры, так ее вполне устраивало то состояние, когда ее любили сразу два мужчины. Тем более что муж как вроде бы ни о чем не догадывался. А если бы и догадывался, то он, верила Вера, был цивилизованный человек (хоть и по виду варвар), и вполне, считала она, способен был допустить адюльтер супруги.

"Да и сам гуляет как конь",--подумала Вера, вспоминая о том, сколько раз ей уже говорили, что муж изменяет.

Но она не считала это изменами. Да и какие это были измены, если подобное, на ее взгляд, только укрепляло брак. Выкристаллизовывая чувства. И сопровождая на пути к прекрасному.

А доцент Хренников вскоре стал профессором. Докторскую диссертацию он успешно подготовил и защитил. И сейчас готовил Веру Нежину к защите кандидатской. В женщине вдруг проснулось стремление к знаниям. А может ей просто хотелось быть все время рядом с профессором Хренниковым. Ведь вполне так могло получиться, что, забрав то единственное, что скрепляло их (интуитивно Хренников полагал, что это все-таки учеба),-- и не виделись бы они уже так часто. И каждый принялся бы жить своей жизнью. И еще совсем неизвестно, нашел бы он в

этой жизни место для другого. А так - все были довольны и счастливы.

Сергей Зелинский

02.09.2007 год.

рассказ

Просветление

Он знал, что всегда и всего добьется сам.

Как ни странно, но Захар Максимов не верил никому, хотя по профессии вроде как верить был обязан.

По профессии он был учитель. Закончил когда-то Ленинградский пединститут им Герцена. Всеми силами своих преподавателей, казалось, должен был нацелен на доверие к окружающим.

Но окружающим Захар не верил.

Как не верил вообще никому.

Потому как открылась Максимову как-то истина. Истина была не совсем хорошая, а может даже и вредная. И суть ее сводилась к тому, что Максимов понял, что все его хотят обмануть. Но со временем это оказалось совсем ничто перед тем, что осознал Захар Максимов, что почти все люди (за малым и незначительным исключением) выдают себя за нечто большее, когда общаются с вами. Всем людям бессознательно хочется показать свою значимость. И это находит вечное утверждение в нашей жизни. Сам Захар, как только выдвинул подобную гипотезу, так тотчас же стал находить подтверждение ее. Причем это совсем уже не важно, что открывшаяся тайна поначалу его так смутила, что он не поверил сам себе. А поверив - старался даже

(стыдно признаться, но это так) забыть сделанное открытие. Он понимал, что не всем людям становится комфортно от того, что на этапе какого-то просветления им открывается нечто большее, чем остальным. Ницше с Шопенгауэром от подобного просветления сошли с ума. Фрейд двадцать лет сидел на кокаине, и если бы не тот, то вслед за гениальными философами тоже бы спятил.

Все дело в том, что видимо, как понял Максимов (Максимов после института закончил аспирантуру и защитил диссертацию), судьба выборочно относится к тем, кто стремится узнать больше о жизни, чем остальные. И хоть на каком-то этапе приоткрывает дверь - в ответ жизнь часто просит несравненно большее. Здоровье. Чаще всего - психическое (как бы заодно и страхуясь от озвученных первооткрывателями открытий).

И тогда уже не важно, что да как, потому как люди, которым уготовано судьбой совершить открытия, уже словно изначально необычные люди. И они не только стремятся, но и уже заранее готовы на многое.

Захар Максимов был готов на все. А потому он нисколько не удивился, когда понял что через какое-то время остался практически один. Вокруг по-прежнему было много народа, но эти люди уже не замечали его. Или, вернее, он не обращал внимание на них.

И все стремился к чему-то такому, отчего в душе его рождалась загадочная улыбка. А по телу растекался поток счастья.

Потому как это и действительно было счастье. Счастье еще и потому, что после всего произошедшего с ним, почувствовал Максимов необычайную силу и уверенность. И уверенность эта распространялась абсолютно на всю его жизнь. На все сферы этой

жизни. На все, к чему он раньше лишь только подступался, не зная, насколько окажется способен оценить это все.

Но оценил.

А, оценив - осознал, что без этого совсем не может. Что как раз перед ним сейчас происходит все так, как он это и хотел раньше. Как он к этому и стремился. Как, наконец, он и намеревался все сделать.

И по-прежнему Захар Максимов был уверен в себе. Но сейчас эта вера значительно умножилась. Сейчас словно бы дополнительно оказывала влияние на него какая-то решающая и невидимая сила. Которая позволяла достигнуть почти и вовсе невозможного. А, достигнув этого - двигаться дальше.

И движение это поистине казалось безграничным Захару Максиму. Потому что не существовало ничего, что способно было бы остановить такое движение. Ведь не ясна была составляющая его. Это только наблюдая в одной плоскости можно было различить движение направления Максимова. А если посмотреть иначе. Если вдруг увидеть то, что ни ему, ни другому ранее было попросту незаметно. Что он если и замечал, то не считал что это-то как раз и есть то, что ему нужно, что ему недоставало.

Нет. Все дело в том, что сейчас-то как раз все и действительно было по-другому. По-другому чем раньше. Это раньше Максимов бегал по кругу; периодически уставая, но так и не достигая цели, потому как одна цель всегда наслаивалась на другую.

Сейчас все стало иначе. Сейчас Захар четко (ну, предположим, более-менее четко) видел и осознавал свое

движение. Ему хотелось, чтобы было так, и это на самом деле было так. При том что если только предположить нечто (или намного) большее, то как будто уже и не заметно было каких-то негативных моментов; притом что те существовали.

И так выходило, что как раз наличие их на определенном этапе мешало Максиму. Не отвлекало даже, а, наверное, и вовсе вводило в сторону. От чего приходилось периодически сверять курс. Стараясь делать работу гораздо большую, чем этого бы требовалось при соблюдении ряда иных условий.

Но ведь оптимальные условия в большинстве случаев могут быть только в лабораторных условиях. И Максимов был практик. И оставался он практиком несмотря на то, что по складу характера на самом деле больше чем кто иной был он гуманитарий. И нравились ему в равной мере и математика и литература с историей. И, помнится, он долго не мог сделать правильный выбор, что да как. Пока, наконец, не решил, что подходит ему больше всего. А решив, стал воплощать ожидаемое - в действительное.

Можно предположить, что не все у него получалось.

Даже следует сказать, что получалось много меньше, чем он загадывал.

Но уже словно независимо ни от чего, судьба выдвигала в первый ряд совершаемого им как раз то, что в последствии, оказывалось, и было ему необходимо. Притом что во время такого выдвижения он как будто и не знал, что все получится в последующем. А вот нет - выходило что получалось.

И уже осознание этого давало Максиму какую-то свою силу и энергию. Благодаря такой энергии он двигался вперед.

Благодаря такой энергии он научился не сдаваться перед первыми трудностями. Интуитивно улавливая возникновение оных, и делая шаг (в последующем так у него получалось) на опережение существующего момента. Момента, за который он действительно успевал совершить многое. Момента, при котором Максимов находил наибольшее расположение у судьбы. Судьбы, в которой ему с этих пор сопутствовала только удача. Ведь при таком раскладе он понимал, что нет больше чего-то странного да загадочного в его жизни. Жизни, которая в такие разы представляла удивительно открытой ему. А его память посещали такие воспоминания, которые до этого бывали только во сне, или в результате совсем уж длительной мыслительной деятельности. Когда невообразимым образом перемешивалось все и вся. Когда он явно осознавал, что будущий путь его выглядит весьма удивительно очерченным, ясным, и вообще таким, каким он и должен быть.

И это, наверное, было действительно главное, что понял Захар Максимов. Человек удивительной судьбы в своей настоящем, в котором жил он сейчас и находился в полном здравии рассудка. Ведь глупо было бы говорить, что он был неадекватен (как пытался говорить кто-то), или что в его сознании наступило временное затуманивание этого сознания.

Это было не так. И сейчас Максимов это знал лучше, чем кто другой. Да и не верил он другому. Как, наверное, по-прежнему не верил и себе. А просто жил в своем новом состоянии просветления. Находя его как минимум уникальным, чтобы избавляться от него.

Да и оно ему было на самом деле необходимо. Становясь уже даже тем, без чего он не смог бы больше жить, и совсем не знал (вспоминая прошлое) как жил раньше.

Но что такое раньше, когда жил он сейчас. И именно сейчас пользовался свалившимся на него счастьем. Стараясь не замечать негатив, стараясь вообще не замечать ничего лишнего. Оно было ему попросту не нужно. Он хотел только одного - счастья и покоя.

И то и другое было ему гарантировано новыми условиями его существования. И испытывал он от этого только радость.

Сергей Зелинский

28.11.2007год.

рассказ

Вымышленный герой

1

Он мог бы сказать о великих свершениях.

Он мог бы сказать о чем-то таком, что еще если и не свершилось, то произойти было готово в любое, быть может, даже и мгновение.

Он мог бы вообще о чем-либо сказать; но вот вопрос, что говорил Маланов об этом неохотно. А если и начинал говорить, то словно с надеждой, чтобы его через время прекратили слушать. В ином случае, и не заставишь его сдвинуться с места.

И при этом Валентин и сам, видимо, находил в своих поступках больше противоречия, чем это могло в его представлении быть. И все как бы шло у него к тому, что по

прошествии какого-то времени взросления (сейчас большому ребенку было тридцать; но это как у других восемнадцать) Валентин Маланов до конца бы осознал, что все, что происходит с ним, несколько нелепо, да и может быть как-то по-особенному загадочно. В то время как если предположить, что можно было что-то изменить - в таком случае наверняка он смог бы как-то по иному подойти к жизни. И прежде всего, взглянуть на эту жизнь под иным углом.

Это ему всегда хотелось сделать. Как и мечталось совершить нечто большее, чем отводила ему судьба, ставив в определенные рамки, и словно бы обрывая на ходу подобные его устремления.

А может он сам накручивал себе лишнего да несуществующего. И ведь права-то такого ему никто не давал. А скорее - родилось оно у него как бы уже само по себе. И он считал, что даже если подойти к подобному вопросу более обстоятельно, то можно было бы выиграть с этого намного больше, чем, быть может, имел он сейчас. Тогда как даже выходило, что он все-таки чего-то опасался, чтобы делать настолько самостоятельно, чтобы как бы исключая помощь со стороны кого-либо (самостоятельность это в большинстве случаев как раз вера исключительно в свои силы), добиться всего да еще и самому. Ну, пока не готов был, что ли...

И как-то вышло так, что Валентин Маланов ко всем таким предположениям (как и к любым размышлениям вообще) отнесся с подобающим уважением. После чего предположил, что совсем как будто не может быть ничего, что могло бы затруднить

его дальнейшую жизнь. Если предположить, что жизнь эта окажется весьма интересной, и даже любопытной.

И тогда уже можно говорить о том, что незачем так-то уж выходить из себя, когда даже к этому ведут определенные обстоятельства. Ну и значит - совсем по-другому предстоит взглянуть на мир. На окружающий мир, прежде всего. Ибо Валентин по-прежнему предпочитал замечать то, что было вокруг,-- словно бы не обращая внимание на то, что происходило совсем под носом, ну или же в относительном отдалении.

И даже как будто уже получалось, что все что происходило (и казалось Маланову), быть может так и не происходило и не казалось. А вовсе словно и наоборот - это он, как раз он вызывал в себе нечто подобное непонятное. То, что, наверно, несколько сложно было как-то оценивать его сознанию. Потому как все время возникало (норовило возникнуть) нечто, что шло в разрез с заданным курсом-направлением. И даже если мы можем говорить о чем-то подобном, то непременно уже получалось все другое. То к чему невозможно было подойти с позиции логики да здравого смысла. Но ведь и невозможно ко всему подходить с позиции логики да здравого смысла Особенно с такой расщепленной психикой, какая была у Маланова. Ну, так уж выходило.

И то, что на самом деле выходило, как будто иной раз и вовсе не укладывалось в привычное положение вещей. Потому как (просто потому как) запутывало оно невероятно и самого Маланова, и что уж точно, сбивало с толку тех, кто пребывал волей жизненных обстоятельств рядом с ним. И тогда уже можно было говорить (об этом говорить хотелось), что не всегда у

Валентина получалось так, как он хотел. Да к подобному он вроде как и привык. Ну, или до сих пор еще учился привыкать.

И вот в этой запутанности он жил, продолжал жить, находился все время. Тогда как даже выходило так, что, несмотря на какие-либо решения, принимаемые им (принимаемые периодически), он, тем не менее, находил, что все это как бы действительно необходимо ему. И даже оправдывал эту необходимость своими какими-то шагами да поступками (шагами по жизни, и поступками, совершаемыми вследствие этих шагов). Так что уже совсем скоро начало ему казаться, что все, что кажется так, является и действительно таковым. А то, что будет казаться наполовину (то есть, это когда и - или - кажется, и - или - не кажется), словно бы и должно было быть именно так. Хотя бы потому, что многое еще пока в жизни казалось Маланову не совсем понятным. Но он стремился понять. А с той настойчивостью, с которой он подходил к подобному - можно было предположить (подобное предполагать даже хотелось), что у Валентина все получится. Ну, то есть, - выйдет все так, как он этого и хотел, как к подобному и стремился, как... Ну, в общем, как это и должно быть.

2

Нам, наверное, следовало бы предупредить кого-то, что Валентина Маланова никогда не было. Но получается так, что говорить о подобном мы попросту не можем. Потому как на самом деле - существует как минимум несколько Малановых, жизнь и психика (жизнь - как следствие влияния психики) которых оказала влияние на Валентина. Потому и взял он через двадцать лет после начала жизни псевдоним Маланов. Тем более что стал уже к тому

времени работать в журналистике. И делая иной раз репортажи с места событий - настолько входил в образ кого-то другого (но не себя), что уже словно бы и не мог (не был способен) дистанцироваться от этого - ненастоящего - человека. А еще позже - понял что тот, в общем-то, не только нравится ему, но и необычайно на него похож. Или - что вернее - нравится как раз потому, что похож.

И вот этой схожестью он вскоре настолько проникся, что поменял паспорт, взяв вымышленную фамилию, схожую со своим псевдонимом. И даже что можно было предположить еще (да и что получалось на самом деле) - постепенно становился похож (иной раз - более чем похож) на своего героя. Героя вымышленного, но принявшего оттенки настоящего. И это к тому же еще настолько Маланову понравилось, что прошло совсем незначительное время, и он уже совсем и не думал ни о чем. Ну, то есть, он как бы по-прежнему думал о многом, но вот ничего плохого в себе сегодняшнем не замечал. И даже рассчитывал (предварительно рассчитав) что все, что произойдет после - получится. И получится настолько отчетливо (это ему уже виделось), что он совсем не собирался в ближайшем будущем что-либо менять. Его как бы устраивало все или многое ("многое это ничего"--иной раз запутывал он себя). И он, видя это многое, добивался еще большего. С надеждой, что когда-то это непременно произойдет, получится, свершиться.

--Ну а почему нет,--говорил он себе.-- Почему нет...

-- А почему бы и нет?--сказал он как-то, и с тех пор стал не в меру задумчивым. Ему стало казаться, словно бы что-то в этом мире (с участием его) происходит не так (или не совсем так).

После чего настроение становилось у него каким-то не в меру загадочным. И даже получалось, что будущее если пока и обещало быть прекрасным, то, что уж точно - могло бы казаться оно таковым, если...

Да нет. Он уже не накручивал себе лишнего. А умело распределял жизненные силы. Решая вопрос именно в том ключе, в котором и предполагалось разрешение его.

3

Ну а если на самом деле взглянуть на фигуру Валентина Маланова с той долей скепсиса, с которой он еще недавно привык на себя примеривать все и вся (происходившее с ним), то тогда выходило нечто запутанное и по всему - не очень хорошее. Тогда как ведь можно и не делать подобного.

И уже окажется, что наш герой вполне живуч, и похож на тех немного несчастных людей, которых встречается весьма превеликое количество в начале нового тысячелетия в нашей стране да и во всем мире.

Хотя сам бы Маланов (как и персонажи похожие на него из окружающей реальности) наверняка в чем-то и не согласились бы с нами. К тому же Маланов (словно увидев подобный нарисованный портрет) убедил себя в необходимости кардинальных изменений. Чем, должно быть, еще более запутал свое сознание да подсознание. Потому как и раньше эти два компонента психики жили споря да немного дуясь друг на друга. А тут как бы и вовсе грозило произойти откровенное безобразие. Хотя, быть может, мы и забегаем вперед. Да еще не только опережая события, но и искажая (ненамеренно, конечно же,

---

ненамеренно) ту реальность, о которой на самом деле можно только догадываться, но никак невозможно предвидеть.

Тем более что да как окажется на самом деле - покажет время. Время, за которое наш герой (вымышленный... вымышленный...) еще несколько раз будет делать попытки что-либо кардинальнейшим образом поменять да перестроить. Пока не начнет убеждать себя, что все должно оставаться так, как есть, как было доселе, как существовало до него.

Что предполагает, в свою очередь, какую-никакую устойчивость. Хотя так ли она необходима таким индивидам как он - весьма спорный вопрос. Потому как логично предположить, что они так и будут словно бы нехотя (и немного ругая себя, но не стремясь ничего изменить) находиться в вечном поиске чего-то доброго и вечного. Хотя и не факт, что сумеют найти.

--Будущее покажет,--насупившись, пробурчал Маланов, и стал собираться в дорогу.

Дорога вела в неизвестность. И ему очень хотелось дойти...

Сергей Зелинский

13.11.2007 год.

рассказ

Стремление к красоте

Могло получиться глупо, но Даниель Фейербах продолжал идти вперед.

Он остался один. Он проходил весь день. Пора было возвращаться домой. У него ведь был дом. И ждала в том доме жена. И старушка мама. И дочь мамы, его сестра, которая

приехала в гости из соседнего города, где жила со своим мужем, монтажником-высотником, который так уставал на высоте, знал Фейербах, что собирался найти работу поспокойнее.

Сейчас получалось - его ждали действительно все.

--А ведь так было еще недавно,--вспомнил Даниель,--что он совсем не улавливал связь между собой и родственниками. То есть они были, но существовали как-то отдельно от него, от его интересов, вообще, быть может, от всего, что было ему близко.

И при этом Даниель чувствовал их заботу. Но забота эта казалась ему слишком поверхностной, как бы обязательной, не по велению сердца, чтобы он обращал на нее внимание.

Он и не обращал. Он, живя в семье, живя со всеми - жил все же больше своей жизнью.

И только раз заметил, что ошибался. Но этого раза более чем хватило. И Даниель Фейербах с тех пор каждый вечер шел домой. Заканчивал смену (он был учителем в вечерней школе, или как называл ее - в школе рабочей молодежи) и спешил домой.

Видимо, именно спешил. Ему все казалось, что происходит с ним что-то не по настоящему. Что вот он придет сейчас, и уже на пороге уловив нечто неопределенное, скользкое во взглядах близких людей, развернется и уйдет.

Он хотел уйти. Он мечтал уйти, и видимо это бессознательное желание периодически возникало в нем, и ему действительно хотелось...

Сейчас он задумался. Сказать, что он так-то уж мечтал куда-то уйти - было сказать неправду. Уйти он хотел, даже может быть и стремился бы куда уйти, да только это было что-то такое ненастоящее, не так, как должно быть; он понимал это, понимал

что желание его слишком загадочно даже для него самого. Что даже может это и не его желание. Может он внушил его себе, или оно само как-то странно вторглось в него, чтобы удивить его,--а после исчезнуть.

И исчезнуть оно могло столь первоклассно и внезапно, что он мог к тому времени только начать к такому желанию привыкать, а его уже как будто бы и не было. Было что-то, конечно, что могло бы, впрочем, существовать и так, да и существовало, наверное, совсем не обращая внимание на что-то, что должно существовать еще. Но это все как бы было не по настоящему. Да и сам Даниель, что уж точно, относился ко всему этому не серьезно. Ну, или - не настолько серьезно, чтобы было возможно ему сейчас, задумавшись об этом, как-то уж слишком серьезно переживать.

Он и не переживал. Переживая ровно настолько, насколько это требовалось чтобы показать свое сочувствие крушению чего-то,-- но совсем не настолько, чтобы пропустить подобное через сердце.

И он старался ничего не пропускать через сердце или душу. Потому что знал, что при ошибке - обернется это ему много хуже, чем могло быть раньше. Поэтому, иной раз, некоторая доля душевной черствости оказывала благоприятное отношение на будущее. Потому как это будущее приближало. Тогда как обернись иначе, будущего могло не быть вообще.

Даниель Фейербах шел по темным пустынным улицам родного города, и ему становилось постепенно страшно. Он вдруг представил, что, собственно, всю жизнь делает не то, что надо. Что если и начинает догонять какое - непременно уходящее -

---

мгновение, то оказывается, в итоге, что он бежал не за ним. А того, за чем он начинал свой разбег - уже не существует.

Ну, или, не существовало ранее. Не было его в действительности. Ибо действительность, как понял Даниель, весьма и весьма обманчива. И ему даже допустить, что она существует, то это как бы все же и не так. Что это только кажется, что она существовала всегда, а на самом деле все это есть обман.

--Быть может даже и великий обман,--допускал он.

Тогда как ему в таком случае необходимо было повернуть жизнь на сто восемьдесят градусов, и быть может и просто бежать в ином направлении. Ну или - бежать ни туда, куда бы надо...

Даниелю Фейербаху было 37 лет. Всю жизнь он искал себя.

В поисках этих он с одной стороны преуспел, но казаться так можно было только с одной стороны. А с другой - он только запутывал себя. И до сих пор все еще бежал по кругу. Круг предусматривал периодическое возвращение туда, откуда человек начал когда-то движение. Но главное при этом, что было в мозгах Даниеля Фейербаха. А вот там была полная катастрофа. Потому как,-- там то было все спокойно,-- то вдруг вспыхивала какая идея. От которой начинал мучиться он самым невообразимым образом. Однако до того, как это действительно начиналось,-- успевал запутать мозги и себе и другим. И чтобы не прослыть совсем уж надоедливый субъектом - вынужден был приспособливаться к этой ужасающей действительности. Прятать куда-то вглубь то, о чем порывался сказать. И, получается, обманывать самого себя. Потому как он...

Он ведь на самом деле был совсем другой. Он мог бы, при случае (если бы возник такой случай) показать всем, на что он в действительности способен. Потому как то, на что он был способен... Да это, собственно, было для него и самого загадкой, откуда взялись все эти способности. Он только единожды открыв их - констатировал наличие в себе чего-то увлекательного. В чем еще предстоит, конечно, разобраться. Но что, по сути, было как бы и не по настоящему уже. Потому как уже тогда Даниель улавливал какую-то ложную сущность всего подобного. Когда он даже если и стремился к чему-то, то уже вскоре понимал, что это на самом деле не то. И хоть продолжал движение по-прежнему, уже знал, что на каком-то этапе совсем безболезненно прекратит свой бег. Повернет обратно, начнет бежать в другую сторону, а может и вовсе получится в итоге нечто невообразимое, загадочное, странное, быть может, даже...

И в то, что это будет так, Даниель Фейербах начинал верить в самого момента возникновения подобного в его мыслях-желаниях. Мыслях - не реализованных желаниях. И фантазиях. Фантазиях, в которых в недавних пор научился он выделять суть. Не только отделяя главное от второстепенного, но и от того, что если и было необходимо, то только лишь на одном каком-то - чаще всего начальном - этапе. Тогда как после... после все обещало быть по другому. Да и, наверное, было. Самому Фейербаху это уже было не так интересно. Ему много важнее был процесс. Участие в чем-то таком, чтобы он еще до конца пока не понимал, но уже бы догадывался, что это нечто весьма и весьма примечательное. Что действительно необходимо ему. Что способно привести к чему-то поистине достопримечательному.

Ну, или прекрасному. Даниель ведь стремился к красоте. И то, что он пока еще бродил вокруг да около, как бы свидетельствовало, что он находился в поиске. Получалось - стремление - инсценировало поиск. А поиск должен был увенчаться победой.

А домой тогда Даниель так и не дошел. Повернув на полдороге, он забрел в бар, крепко напился, познакомился с официанткой, и в конце смены уехал к ней. Причем ему так понравилась внезапность совершенного им, что он впервые за долгие годы почувствовал, что его мысли пришли в удивительную упорядоченность. И просыпаясь - Даниелю больше не нужно куда-то бежать. Его, его Даниеля Фейербаха, которого до этого называли исключительно неудачником, вдруг стали принимать такого какой он был. Любили, заботились, носили буквально на руках. И подчинялись. Всецело и бесповоротно.

И вдруг понял он, что ему все жизнь как раз этого только и не хватало. Что ему теперь совсем не надо было что-то искать. Что он неожиданно нашел то, до чего шел пол жизни, и провел бы в поисках подобного оставшуюся половину. Действительно нашел...

Случайно,-- но именно сейчас он нашел все. И даже больше нашел, нашел то, о чем совсем пока не мог помыслить в своих размышлениях.

Сейчас, именно сейчас его сознание впервые за все годы озарилось улыбкой. А Даниель (или Даня - как его теперь называли) стал спокоен. Спокоен настолько, что окружающий мир, казалось, всецело подчинился ему. А он, Даня, стал в гармонии с природой.

И это для него сейчас было самое главное. Потому как о чем-то другом он как-то быстро забыл. Да и было ли что это другое, он уже не знал. Предполагая, что его и не было.

Сергей Зелинский

29.11.2007 год.

рассказ

РЕШИМОСТЬ ЖИТЬ

Он всегда находился на какой-то своей, особой волне; когда происходящее рядом может и замечалось, но столь поверхностно, что задай кто вопрос: что там было? - и Самуилу пришлось бы задуматься, повспоминать, а потом, если ничто не отвлечет его, может и ответит. А может и нет. Справедливее сказать, что нет. Причем, причина была и вовсе ничтожная, чтобы Самуил (или кто другой) уделял тому особое внимание. Все ведь казалось и действительно слишком просто. Да еще так - что вытеснялось все это, находящееся поблизости, во что-то такое, что при случае и не вспомнить будет. Не так-то легко и вспомнить. Да и все, пожалуй, слишком сложно... Всегда было сложно... Вот только сложности этой Самуил обычно не замечал... Когда юн был -- вообще не обращал внимание. Когда молод стал - тоже не замечал. И лишь после тридцати вроде как задумался о чем-то. Но посмотреть внимательно о чем?- так и вовсе могло бы показаться все бредом да ерундой... Загадка... Самуил Равель был загадкой... И эту загадку хотел разгадать он и сам.

.....

Чуть выше среднего роста, Самуил Равель носил большие очки, был скромн, застенчив, по-своему красив, и самое главное - преисполнен решимости жить.

Немногие могут похвастать подобной решимостью. Чаще всего и не замечают даже чего-то подобного. А заметив раз (каждому дается такая возможность) - не обращают на это внимание после.

В результате множится число людей несчастных от своей невнимательности. И не то, чтобы рассеянных даже, а может просто и действительно несчастных. Потому как, что находится у них перед глазами, что как будто открыто им - не замечается ими. Все больше пытаются разглядеть они что находится в отдалении от них. Совершая тем самым порой непоправимую ошибку. И даже, кажется, что совсем может приключиться скоро беда. Ан нет,-- все вроде как урегулируется. Тем самым словно бы давая индульгенцию таким людям продолжать существовать и смотреть на мир в той плоскости, в которой наблюдали они мир доньше...

.....

Равель ясно видел, что это не так. Он видел мир в том ключе, в котором не дано было видеть многим. Замечая порой то, о чем другие могли только догадываться. Но так как догадки наши порой ничего не значат, если не воплощены во что-то реальное (открывающееся в последующем), то уже можно было предположить, что Самуил Равель жил (продолжал жить) той жизнью, к которой он более всего был предрасположен.

И уже получалось, что ему, быть может, и труда никакого не составляло жить. А вот жил человек, и даже по-своему радовался жизни. И что уж точно - старался не

разочаровываться ей. Предполагая, что это самое замечательное, что это так. И даже зная наперед - что все что так - самое лучшее, что только может быть - будет. Непременно произойдет.

Случиться. Потому как - если все это и действительно так, то почему бы тогда не произошло что-то столь необходимое, чтобы он способен был задуматься над тем, что все это действительно так.

Мучая и периодически запутывая себя подобными вариациями на жизненные темы, Самуил, тем не менее, продолжал искренне верить во что-то справедливое и важное, что должно было когда-нибудь с ним произойти.

В то, что это произойдет - он действительно верил. Причем, спроси кто, откуда такая вера - и в лучшем случае пожал бы плечами в нерешительности Самуил. Прежде всего потому, как действительно не знал. Ну а еще, наверное, потому, что не понимал он до конца, почему в одни моменты жизни происходит все так, а в другие - уже совсем иначе. Да и не понимал, догадывался Самуил, лишь не от какого-то общего недопонимания, а скорее от вопроса наличия какой странности общего существования вопроса. Того, что будет,-- было,-- наверняка еще свершиться,-- но уж совсем явно - что не будет тот час же обнаружено им. А значит и запутанно может быть до безобразия.

--Всякое возможно,--рассуждал тогда Самуил Равель, и думал, отчего это он в свои 20 лет задает себе так много вопросов?--Разве это не стремление к знаниям, пробовало, было, восставать что-то внутри него. Но молодой человек (внешне казавшийся очень даже немолодым) только приказывал себе не

отвлекаться. Потому как знал, что лишние вопросы в такие моменты совсем даже ни к чему. К ответу не приведут, а запутают - невероятно.

И все же было нечто такое внутри Самуила Равеля, что помогало ему преодолевать подобные, периодически возникающие у него, сложности и неудачи.

И не то, что он даже как-то серьезно отвлекался на них. Скорее нет, чем да. И в то же время находил Равель нечто особенному потрясающее, что способно было бы заполнить его внутренний мир. И насытить внешний.

Хотя он никогда и не бежал особо от реальности. Да и надо ли ему было делать что-то подобное? Не надо. Сын преподавателей университета, Самуил Равель с ранних лет понял, каким уважением могут быть преисполнены поступки людей. И можно было сказать, что уже тогда ("когда это было?-- помнил ли то время сам Равель?") он выработал для себя определенную позицию, которая - с большей долей вероятности можно предположить что это так - выводила его победителем в большинстве жизненных ситуаций.

Причем, если какая-либо схватка действительно была или намечалась, то уже можно было говорить о том, что сам Равель все же каким-то образом в ней не участвовал. Не любил он этого. Больше любил Самуил предаваться каким-то размышлениям. Можно даже сказать - мечтам. Хотя и о том, о чем мечтал - говорить считал неудобным. Прежде всего потому, что будет подобное неинтересно кому-то. А сам же с собой Самуил знал, что всегда разберется.

И все же самые большие силы предавала Равелю обладание некой тайны. Тайны, которую он не раскрыл бы никогда и никому. И уже не потому, что был невероятно скрытный от природы. Но и большей частью потому, что догадывался, что об этом до поры до времени не стоило ни с кем делиться. Чтобы наслаждаться обладанием подобного величия самостоятельно.

.....

Конечно, вера верой, но случались у Самуила иногда некие причуды, которые очень даже могли бы навредить ему. Если бы, скажем, оценить их с какой другой плоскости, чем той, с которой доселе смотрели Самуил и его товарищи.

Но вот что могло бы показаться весьма поразительным, никто доселе попросту не смотрел так. То есть вокруг Самуила Равеля складывалось все так, как это и должно было быть. Причем, то ли сам он делал все, чтобы получалось так, то ли просто совпадало - но факт оставался фактом. Чему, заметим, сам Равель вроде как радовался.

Да и действительно радовался.

А еще после каждого понимания чего-то подобного случившемуся, Самуил Равель переполнялся решимостью жить. И это было по-своему интересно...

Однако можно признаться, что на самом деле продолжалось все это лишь до каких-то определенных моментов. В один из дней Самуил проснулся с переполнявшей его решимостью не только изменить жизнь, но и закрепить подобные изменения. Ведь так часто уже бывало, вроде как что-то начиналось у него, вроде как по-другому смотрел он на мир, вроде

как даже нравилось ему подобное состояние, и вдруг все шло прахом. И заканчивалось столь сиюминутно, что кто-то мог бы предположить, что оно не успевало и начаться. Ну, или начавшись, что уж точно - не успевало разгораться с полной силой. После чего все становилось настолько туманно и загадочно, что Самуил Равель - как способ исцеления - предполагал все разом забыть. Начав жить заново.

И все было бы хорошо (и условно приемлемо), да вот как-то посчитал он, что слишком часто у него стало выходить так, что он что-то начиная - не только не заканчивал, а сознательно ограждался от всего. Бежал, в общем, с корабля. Как крыса. Или как предатель.

Ни крысой, ни предателем Самуил быть не хотел. Он был нацелен исключительно на победу. На победу во всем, что касалось его. На победу... На победу...

.....

А через какое-то время у него все получилось. Но вот как это вышло, было видимо той загадкой, которую Самуилу Равелю еще предстояло разгадать.

Но он не спешил. Времени теперь у него было достаточно. Ведь он уже понял, что теперь будет всегда преисполнен решимости жить. А уже то, осознал ли он механизмы счастья? открылась ли ему какая закономерность возникновения его? или же просто стало все понятно и так?-- это уже как будто было и не важно. Человек стал счастлив. И этого было достаточно.

Сергей Зелинский

15.12.2007 год.

рассказ

Чудак-человек

1

Это было настоящее безумство. Он сам бежал от своих желаний, но при первой же возможности - удовлетворял их. И ведь не то, что желания были какие-то странные, или еще как. Тут было важно даже не это. А сам факт того, что он не мог сдержаться. Сдержаться, чтобы не дать волю пороку. Именно это его удручало.

Ну, в какой-то мере действительно удручало. Хотя и знал он, что обо всем, что происходило с ним, не будет знать никто. Потому что словно специально (а на самом деле действительно по привычке, страхуясь) Вилен Борисович уезжал из города в город соседний. Где и предавался откровенной страсти. Причем страсть его совсем не носила характер чего-то запретного. И чтобы удовлетворить ее, совсем не надо было уезжать из Москвы. А вот словно бы приходилось. Да и так, должно быть, считал он, ему будет спокойней.

И был видимо прав. Разве что права у всех различались. Так же как и понимание чего-то, что может происходить по-разному. И это Вилен Петрович понимал, и с этим соглашался.

.....

Время проходило без каких-либо особых нововидений в его жизнь. В том плане, что все было так как всегда. Разве что удовлетворение страсти он уже не считал пороком. Хотя и зарекаться было рано. Потому что совсем скоро Вилен Борисович

начал испытывать столь мучительное чувство вины, что даже на миг потерял контроль над реальностью.

И этот миг растянулся удивительным образом. Потому что оказалось (позже оказалось), что успел за миг Вилен Борисович (ему был сорок один год, он был старший научный сотрудник оборонного НИИ, жил в Медведках, работал в Москве) совершил как будто столько, что позже искренне удивлялся, как это все у него получилось.

Что он совершил? Ну, прежде всего, стал откровенным негодяем. Еще? Устроился на полставки сутенером. Еще? Стал добровольным осведомителем органов правопорядка (при этом с удивлением узнал, что добрая треть его знакомых также как и он тайно стучит органам).

Среди оставшихся нескольких пунктов результата случившегося с ним можно было назвать вроде как не относящиеся к делу поступки, потому как они вполне были свойственны Вилену Борисовичу прежнему: страсть (разве что сейчас он весьма увеличил непотребство, насыщая свою жизнь дополнительными эмоциями в виде заметного увеличения числа партнерш, причем стал использовать спаренные варианты, приглашая к себе в номер девушек по парам - 2-4-6...) и искреннее желание самоутверждения.

Странно, но ведь действительно так получалось, что всеми действиями Вилена Борисовича Каримова руководило его желание самоутвердиться.

Так считали некоторые знакомые (попутчики по жизни). Но вот те, кто знал Вилена Каримова уже большее время, видели во всех его поступках просто наглость зарвавшегося еврея (как ни

странно, внешне похожий на этакую смесь узбека и англичанина, Каримов был еврей по маме, Саре Абрамовне; папа, Борис Мухтарович, был полу-узбек, полу-англичанин).

Притом что ни те, ни другие не ведали, что всеми действиями Вилена Борисовича как раз руководило желание высвободиться от чувства вины, окутавшего его сознание великой тяжестью, и фактически довлеющего над всеми его поступками. И тут уже как раз страсть - была именно подтверждением всего этого. Ибо пускаясь в разврат, Вилен Петрович тем самым сублимировал в страсть страх и невротическое беспокойство, являющиеся следствием развития в его сознании чувства вины. Перестуки же с властями объяснялось просто его неумением отказать. Его вызвали, провели беседу, сказали что знают, что он предоставляет мужчинам проституток, отмахнулись на его объяснение, что не проституток, а знакомых девушек, и не мужчинам, а знакомым мужчинам; и что на самом деле надо рассматривать это не как предоставление женщин для обслуживания мужчинам, а как помощь испытывающим проблемы в сексуальном плане мужчинам обрести хоть какую-то любовь. На это ему сказали, что даже согласны, что он этим должен заниматься. Но попросили докладывать обо всем подозрительном.

Вилен Петрович не знал, что может стать этим подозрительным, и на всякий случай стал докладывать обо всем. Причем не только в устной форме, но и в письменной. И вскоре завалил сотрудников органов такой глупой и ненужной информацией, что те через время пригрозили ему всеми возможными карами и мерами устрашения. После чего Каримов

смирился, и стал стучать по существу. Причем так редко, что вскоре казалось, о нем все забыли.

Ну а в институте он словно неожиданно получил повышение, став сначала заведующим подотдела, а после и заведующим отделом (включавшим в себя несколько подотделов).

Что же до страсти... Ну, что касалось страсти, то, в общем-то, все оставалось неизменным. Разве что Каримову пришлось жениться. Но жена оказалась такой не сдержанной в сексуальном плане дамой (хоть и была старше на пару лет Вилена Борисовича, у Зои Львовны была туча поклонников ее тела), что Вилен Борисович достиг с супругой что-то вроде консенсуса. И они теперь пускались во все тяжкое, но только врозь (смотреть как трахают жену -- Каримов не мог; Зоя Львовна тоже ревновала).

2

Вполне можно было предположить, что жизнь Вилена Борисовича принимает новый оборот.

Еще точнее,-- подобный оборот жизнь предпринимала каждый день. В том плане, что каждый день было все по-разному. И ведь не всегда все складывалось удачно. В иные моменты Каримов мог и раскаиваться в том, что происходило с его участием.

Но вот как-то обратил внимание, что раскаяние стало какое-то... ну, не натуральное, что ли. И даже может и не раскаяние это было вовсе. А так. Какое-то подобие ему.

Ну а раз так, то чтобы понять Каримова, необходимо было, как минимум, предположить, что было у него в голове. Ведь помимо всего прочего это был еще и очень умный человек. Шахматист. Ну а его перемены настроения... Так, в общем-то,

---

было бы и неплохо выяснить следствием чего они являлись. Вряд ли тут прочитывалась какая патология психики. Скорее всего - просто внутренняя несдержанность и буйство души. И если это так, то была определенная надежда на то, что Каримова удастся урезонить. Привести его поведение в надлежащие рамки. Да и вообще...

Ну, в общем, все было понятно и так. И тогда все, что было необходимо, это еще хотя бы немножко понаблюдать за ним. Чтобы после, проанализировав его поведение в тех или иных ситуациях, сделать выводы. А еще позже,-- подвергнуть подобные выводы пересмотру.

Потому что было предположение, что Каримов все-таки - особенно в последнее время - стал слишком много играть. Как бы - выдавать несуществующее - за реальное. И его поступки были одни, а мысли при этом совсем другими.

Ну а если разобраться, он видимо и раньше играл. Просто игры эти не носили каких-то серьезных смысловых оттенков. Хотя и можно предположить, что сам Вилен Петрович задумывался над происходящим с ним. И даже искал какого-то выхода. Хотя?

Все-таки сложный он был человек. Тут уж можно было не отрицать. Сложный, да и не стремился к какой-то простоте...

3

И все-таки было загадкой, почему Вилен Петрович был чудачком, и был ли он им вообще? В первую очередь следовало понять градацию чудачества. И тут можно было заметить, что она заметно различалась у разных людей. Что же до Каримова, так он, по сути, несмотря на возраст, себя все еще искал. И можно было предположить, что через какое-то время себя он найдет. Ну и

после этого все в его жизни изменится. Причем было даже не важно, в лучшую или не в лучшую сторону. Скорее важен был сам факт. Факт стремлений Каримова к каким-то изменениям.

И уже словно бы этот факт указывал на великий потенциал Вилена Петровича. И наверное еще многое могло быть у этого человека впереди. И что уж точно, было бы еще больше, если бы сам себя он не загонял в какие-то ненужные рамки. Обрекая тем самым если не на страдания, то, что уж точно, на непонимание. А раз так, то вполне разумно, что жизнь его становилась загадочна. И становилось непременно важным эту загадку разгадать. Тем самым облегчив судьбу. Ну, или если не саму судьбу, то что уж точно - понимание ее. Понимание и объяснение тех или иных поступков. А от этого могло стать и действительно легче. Но вот будет ли действительно от них легче самому Вилену Петровичу? Ведь уже было понятно, что он весьма сознательно усложнял свою жизнь. Словно пытаясь запутать ее так, чтобы уже после точно было невозможно разобраться. Невозможно, да и что уж точно - весьма трудно.

Но он был к каким-либо трудностям готов. Да и вообще, в какой-то мере, был благодарен судьбе за то, что она присылает к нему такие трудности. Для испытаний. Ну и, должно быть, для роста личности. Ведь он знал, что любые трудности, противостояние им, личность закаляют. А значит и верил, что все у него будет хорошо. Верил, или убедил себя верить.

.....

Вилен Петрович вновь вернулся к своим занятиям, оставленным было на время. Теперь он подходил к исполнению их

более искусно. Органам, кстати, уже не стучал. А лишь только изредка перестукивал. Устраняя конкурентов.

И вскоре стал контролировать определенную территорию, где размещались на трассе его девочки. Которые зарабатывали ему на жизнь (другие занятия кроме сутенерства он оставил; они не приносили такого дохода). А он их всячески оберегал и лелеял. Подкладывая тех клиентов, которые приносили существенный доход.

Но вскоре ему это опротивело. И он отпустил своих девочек на волю. А тех... тех почти сразу же подобрали его конкуренты.

А еще через время, начались массовые аресты в среде его недавнего заработка. И у многих людей отобрали таким образом хлеб. И принесли его Каримову. Который, поднявшись таким образом, открыл легальный бизнес: ресторан.

И пусть доходов ресторан особых не приносил (по причине воровства работников и не умения вести бизнес Каримовым), но в досталь покушать Вилен Петрович мог.

Он и кушал. И пил. И вообще, вроде как, наслаждался жизнью. Понимая, что эта жизнь может быть абсолютно различной. Главное отличие - как вы сами смотрите на нее. Под каким углом различаете жизненные ситуации. Что для вас может быть вообще лучше. Какое жизненное поведение. Ну и вообще, понял Вилен Петрович, что можно что-либо делать и так и этак. И как только понял, стало ему значительно легче и свободней.

И он стал смотреть на жизнь только с хороших и добрых позиций. Интерпретируя все происходящее с ним исключительно

в позитив. И получая от всего теперь исключительную радость. И наслаждение. Чем и жил.

Сергей Зелинский

27.08.2007 год.

рассказ

Теория

Ему казалось, что в этой жизни он еще действительно способен на многое.

Как бы не так! Судьба словно насмехаясь, бросала его в жар новых трудностей. А потом...

А потом видимо устала и она. Задумавшись, как это ему удается из всего выходить не только чистым и незапятнанным даже каким людским подозрением, но еще и что-то уносить с собой. Нужного ему. Того, что в дальнейшей жизни если и не могло пригодиться (не может же там пригодиться все), то по крайней мере, наличие подобного было очень даже неплохо. Совсем неплохо.

Омерзительным типом был Хвалевский. Фамилия подобралась ему под стать. Ну, или он,--как, бывало, признавался в пьяном угаре,--выстроил свою жизнь в соответствии с фамилией.

Как бы то ни было, Антон Игоревич видимо когда-то понял, что ему не надо ничего менять (возможность что-то изменить периодически возникает у каждого), и решил продолжать идти к новым вершинам.

Ну, то, что он к ним стремился, это как бы было понятно и так. А вот продолжать идти - всегда было несколько сложнее.

Что же касалось Хвалевского, так для него никогда и никаких сложностей не было. Самым удивительнейшим образом находил он выход даже из самых грязных, по восприятию действительности, ситуаций. Причем каким-то образом ему удавалось разрешать различные вопросы личного характера, возникающие при этом, и базирующиеся, в иных случаях, на невозможности принятия всего что происходило - целиком и полностью. Ну, то есть, он принимал это все как-то сразу и без угрызений совести. Даже иной раз, словно не замечая, что наступал на горло совести. И рассчитывая, что ему ничего от такого отношения к жизни не будет. Не будет плохого. В этой жизни. В той, которая была. И от которой на самом деле он, иной раз, самым мучительнейшим образом скрывался. Падая в пропасть собственного безумия. И нисколько не рассчитывая, что наступит когда-либо необходимость отдавать долги за происходящее с ним.

.....

Антон Игоревич был удивительной личностью. В прошлом учитель истории в школе, Хвалевский со временем не только оставил школу, но и стал вовсе -- как бы это сказали его бывшие коллеги -- валять дурака.

А на самом деле Хвалевский разработал ряд методик адаптации к жизни для всех категорий граждан (сначала появилась методика для детей школьного возраста; но потом Хвалевский ее значительно расширил, что-то отбросил, где-то добавил, и получилась весьма сносная на первый взгляд система). Причем, если бы посмотрел ее, конечно, какой специалист - он сказал бы что система так себе. Но ведь Хвалевский знал, что это только на

первый взгляд "так себе". Что в том и величие его творения, что смысл его раскрывается позже. Когда кажется, что уже о чем-то подобном и забыл. И когда перед тобой возникают какие-то иные - жизненные - задачи. И вот когда они возникают - тут-то как раз и самое то. Ну, то есть, то, что надо. А Антон Игоревич мог быть доволен собой. Доволен, что так у него все получилось самым великолепнейшим образом. И ведь даже не надо было ходить за примерами. Из бывшего учителя средних классов совсем скоро Хвалевский превратился в преуспевающего бизнесмена (это слово, впрочем, он не любил, инстинктивно приравнивая бизнесменов к мошенникам). Который весьма выгодно продавал...

Впрочем, сам себе Хвалевский мог бы признаться, что на самом деле свою разработку он продал случайно. Какой-то великий филантроп (и по совместительству мошенник) Запада обратил внимание на работу Хвалевского (часть работы), которая была размещена в интернете. Списавшись с ним, он получил работу целиком, и быстро смекнул, что это может принести определенный доход. Если, конечно, грамотно все представить массам; и до этих самых масс вообще донести информацию.

Меценат (он же филантроп, он же жулик и мошенник, замаливавший благотворительностью свои грехи) попросил Хвалевского...

Впрочем, то о чем он его попросил, уже было не существенно, и совсем не важно для того, что произошло позже. А позже вдруг оказалось, что по методике разработанной Хвалевским стали защищаться дипломные работы и даже диссертации (как минимум два таких случая было известно по диссертациям, и три - по дипломам), какой-то западный

университет дал ему почетную докторскую степень, а еще один вуз - пригласил читать лекции. Причем - в статусе профессора.

Жизнь Антона Игоревич моментально преобразилась. Через время он уже чуть ли не окончательно освоился на Западе, лишь изредка выбираясь на родину, да и то, во всех его встречах с бывшими коллегами в лице его читалось исключительное недоумение по поводу того, что они тут сидят на задворках жизни, и не берут пример с него.

На удивление, брать пример с него никто из бывших знакомых (которые теперь от такого знакомства открещивались) не собирался. А кто-то даже о том сказал ему в лицо. Чем видимо здорово вверх Хвалевского в серьезные размышления по поводу происходящего. Но если это и было, то только в начале. Потому что, согласно его же методике, из любой ситуации всегда был выход. Тем более что, основываясь на соответствующем пункте разработанной им программы адаптации - этот выход с легкостью можно было найти. Да и даже как-то особенно не искать. Выход лежал на поверхности (это согласно все той же программе Хвалевского), и проблема людей, что они попросту смотрят мимо; этого выхода (и ответа на вопрос) не замечая.

Учитывая, что Хвалевскому в последнее время действительно все удавалось, вполне можно было ему и поверить. Но странным образом нашелся пункт, который, разрабатывая свою теорию, Хвалевский не предусмотрел. И, согласно этому пункту...

Ну, в общем, он не учел, что от него могут отвернуться люди (которые его знали давно).

И об этом в его теории действительно было ни слова.

Но поразмыслив, Хвалевский понял, что тут-то как раз никакой ошибки и не было. И все что происходило - было самым удивительным образом оправданно.

А все дело в том, что согласно своей теории, человек, использующий ее (в данном случае сам Хвалевский) переходил как бы на следующий этап развития. И вполне логично, что помимо того, что изменялось его сознание,-- изменялось восприятие мира (через призму изменившегося сознания). Ну и как бы следующим этапом - изменялся сам человек. Потому-то и те, кто был до этого с ним рядом - просто не узнавали его новые мысли, поступки, желания... Ну и конечно же новое восприятие к жизни такого человека (которого раньше им казалось, что они хорошо знали) становилась для них загадкой. Причем исходя из того что разрешить подобную загадку они не стремились, загадка оказывалась как бы и вовсе не разрешаемой.

И подумать бы тогда, что-то сопоставить, да... Нет. Ни на что подобное эти люди оказались неспособны. И уже получалось, что на свою бывшую родину Хвалевский больше как бы особо и не стремился.

.....

Проходило время. Закрепившись в новом для себя статусе (в т.ч. и социальном), Антон Хвалевский все же неким образом чувствовал, что до конца его творческий потенциал не реализован. Да,-- благодаря собственным разработкам он перешел на другой (новый) уровень развития. Да,-- он стал относиться к себе намного лучше, чем раньше кто-то даже об этом мог подумать. Да,-- в его жизни обрисовалась вполне яркая перспектива. И он ее даже мог достигнуть. Но...

Но при этом было одно "но", которое многое как бы перевешивало; отклоняя его назад; да и вообще, способствуя уже как бы чему-то не очень хорошему.

.....

Ну, начнем с того, что сам Хвалевский вдруг самым неожиданным образом стал подвергать сомнению сделанные когда-то разработки. И по сути, если бы не вмешательство Благодетеля (который теперь неотступно следовал за ним; и даже если он не было в зоне видимости - все был равно рядом), который сказал, что ждал возникновения подобных мыслей у товарища Хвалевского (западный бизнесмен отчего-то звал его - сначала Хвалевский думал в шутку, оказалось всерьез - товарищем). И что специально для этого даже подготовил соответствующую разъяснительную записку. Которую тут же извлек из внутреннего кармана пиджака (ходил Благодетель в джинсах и пиджаке; роста был незначительного; весь какой-то щуплый и ужимистый, и чем-то походил на черта), и протянул было Хвалевскому, да тут же одернул руку, сказав что-то про то, что не сделал дубликат, и в общем, стал читать сам.

Хвалевский давно уже приучил себя не замечать странности Благодетеля (звали Благодетеля мистер Смит; впрочем, зная Хвалевского, можно было допустить, что на самом деле звали Благодетеля и не так, а просто сам Хвалевский вдруг по каким-то причинам решил называть его мистер Смит; а если он что-то решил, то как минимум какой-то период времени выполнял недавно решенное). И даже можно было предположить, что у Хвалевского не раз промелькнуло желание слегка поддать мистеру

Смиту (ростом Антон Игоревич на добрые полторы головы превосходит того в росте; хотя был также худ, как и тот). Но он все же видимо опасался. Все-таки мистер Смит по отношению к Хвалевскому все равно оставался Благодетелем. И при случае...

Ну, в общем, Хвалевский никогда бы не стал рисковать, и даже как-то выражать свое отношение к мистру Смиту. Его отношение к нему было традиционно ровным и всегда одинаково почитаемым. Хотя сам мистер Смит все же видимо видел своего подопечного насквозь; и оттого его немного побаивался.

Мистер Смит закончил читать, Хвалевский, прослушав, согласно кивнул головой, и добавил, что он и впредь готов выполнять волю своего Благодетеля. И недавние сомнения просит списать на минутную слабость, которая более никогда не повторится.

--Вы не поняли,--улыбнулся мистер Смит.--Я совсем не стремлюсь загонять вас в какие-то рамки...

--Зато я стремлюсь,--перебил его Хвалевский, чем видимо мистера Смита сильно озадачил. Потому что тот замолчал, и стал поглядывать на своего протеже даже несколько настороженно.

--В чем-то проблема?--искренне спросил Хвалевский.--Считаете, что что-либо происходит не так? Или что я излишне...

Договорить мистер Смит ему не дал. А сделал какое-то неуловимое движение, в результате чего Хвалевского отбросило чуть ли не на метр, да он еще и упав, больно ударился спиной об стену.

--Вы что это?--удивился он, только тут осознав, что мистер Смит каким-то образом ударил его на скачке боковым

ударом в челюсть. Причем видимо бил не кулаком, а ладошкой. В ином случае сейчас бы у него помимо спины болела бы еще и челюсть... (в детстве Хвалевский ходил в секцию бокса, и хоть особых разрядов не получил, но какое-то представление имел). И он бы весьма удивился, узнав, что в отличие от него, мистер Смит когда-то выигрывал престижный в Соединенных Штатах турнир "Золотые перчатки" (что-то на вроде чемпиона США по любительскому боксу). Но он этого не знал. Хвалиться в отличие от Хвалевского мистер Смит не любил. К тому же было ему 67 лет. И этот возраст, по его мнению, предусматривал некую степенность.

Хотя иногда он и позволял реагировать себе вот таким образом. Но это было скорее исключением, чем нормой.

.....

Прошло еще какое-то время. Следовало заметить, что время в данном случае шло независимо от каких-либо стремлений к тому Антона Игоревича. И даже можно было предположить, что сам он к подобному относился как бы... ну как бы и никак. Словно положась на нечто неопределенно-допустимое в собственных измышлениях касательно всего происходящего с ним. А уж тем более - происходящего в последнее время. Когда Хвалевский многое неким загадочным для себя образом воспринимал совсем даже не так, как раньше. И даже можно предположить, несколько не так, как это будет воспринимать даже в недалеком будущем.

Впрочем, о будущем Антон Игоревич пока предпочитал не загадывать. Оно и так было соблазнительно желанным для него. А события, он знал, могли вообще измениться в любой момент.

Причем в любую сторону. Хотя пока они изменялись только в положительную.

.....

Прошло время, и Хвалевский удивительным образом мог признать, что попал под всякую зависимость со стороны своего Благодетеля. Благодетелем при этом он его звать перестал. И мистером Смитом перестал. А звал теперь Босс. Просто Босс. Тем самым как бы признавая его статус, и свою всяческую зависимость от него. Потому как ведь и действительно была эта зависимость. Мистер Смит (мы уж пока будем называть его так) как-то (видимо преследуя при этом что-то свое) вдруг показал Хвалевскому его место. И место оказалось это у Антона Игоревича очень даже неприятным. Ибо его в одночасье (и словно бы ни за что; впрочем, он не спорил, зная, что причину при необходимости можно найти всегда; также, как и обосновать любые действия) турнули из вузов. Потом из страны. И Хвалевский уже чуть было не очутился вновь в родных пенатах (подумывая, видимо, проситься обратно в школу), как самым чудодейственным образом он вспомнил про собственную теорию (некогда им разработанную), и как раз согласно ей...

Ну, там главным пунктом было то, что выход был в любой ситуации. Так вот, благодаря этой теории, Хвалевский как-то быстро вернул расположение Благодетеля (которого вновь стал называть мистер Смит; и уже нисколько не придуриваясь), и даже обрел некий новый, следующий, статус.

Словно подтверждение - резко возросший рейтинг Хвалевского. Получение им ряда западных премий (в первую

очередь от англоязычных стран). Да и вообще, можно было признать, что все в его жизни нормализовалось, и стало даже хорошо. А кто-то из неудачников и сказал бы, что отлично.

Но неудачников Хвалевский чурался (по просьбе, кстати, мистера Смита, озвученной еще когда-то давно). А все кто его сейчас окружал - испытывали к нему исключительное уважение. И вообще, Антона Игоревича окружал исключительный почет.

А еще ему хотелось продолжать жить. И даже - пока это было только на уровне мысли - разрешить вопрос, зачем же ему все-таки помогал его Благодетель. Ведь должен же тот был преследовать какую-то цель. Должен, непременно должен, -- рассуждал Хвалевский.

А потом Благодетель внезапно умер. Причем это оказалось столь неожиданно для Хвалевского, что он не только растерялся, но и достаточно длительное время пребывал в некой прострации. Когда готов был забыть себя, свое предназначение, да и вообще - что-либо ему необходимое.

Впрочем, из прострации Хвалевский вскоре вышел. Тем более что в жизни его после смерти Благодетеля ничего не изменилось. Да наверное уже и не могло. Потому что он значительно с тех пор дополнил собственную теорию. А согласно ей - в его жизни и вообще теперь всегда должно быть только хорошо. Только хорошо...

Сергей Зелинский

21.08.2007 год.

рассказ

Минута слабости

Практически было ничего не понятно уже с самого начала.

И ведь вроде как стремился Бахвалов к чему-то; да видимо ошибка состояла в том, что он неправильно расставлял ориентиры. Отчего, таким образом, запутывал себя невероятно. И даже можно предположить, нисколько того и не желая - шел по неведомым тропинкам в никуда. Откуда, быть может, даже не было и возвращения.

А если даже возможность одного он и предполагал, то только на определенном этапе; после которого фактически все равно уже ничего не было. Ну, или могло быть - но как бы в перспективе.

Что почти равносильно провалу. После чего все могло начаться сначала. А могло и вовсе закончиться на этом. И тогда бы пришлось...

Даниил не знал, что будет тогда. Он лишь мог предполагать, что в таком случае все как бы будет не совсем так, как он того желал. Но если даже предположить нечто подобное, он все равно мог верить в истину. Притом что в той самой истине... В истине все были равны. И это было правильно.

.....

Даниил Бахвалов был молодой человек, двадцати четырех лет, среднего роста, с горящим взглядом, слегка закрывающемся чубом черных волос, улыбкой до ушей, и стремлением понять истину.

Истиной было предназначение Бахвалова. Сейчас он работал прорабом на стройке, и явно подозревал, что это не есть

его "потолок". Ведь, несмотря на техническое образование (инженер-строитель) в душе Бахвалов был гуманитарий. Но вот проблема пока состояла в том, что сам Бахвалов не мог себя заставить что-то самостоятельно решить в своей жизни. И словно бы подсознательно (а значит неосознанно) надеялся на других.

Другими были все кто угодно, только не те, кто действительно способен был данную проблему решить. Причем уже как бы не уместно было говорить, что Бахвалов чего-либо не осознавал. Осознавал. Да вот считал он, что еще не пришло то время, когда он действительно сможет что-либо решить уже окончательно. И даже если это время было уже на подходе, это словно бы все равно еще как бы совсем не значило. Не значило, что в ближайшее время все станет на свои места. И даже так получалось...

Ну, в общем, Бахвалов на самом деле давно уже запутался во всем. Но понимал, что должен разобраться в себе, после чего ему станет значительно легче. Жить.

.....

Какие-либо разногласия с собой начались у Бахвалова давно, продолжались тоже получается долго, и пока прекращаться не собирались.

Расстраивало ли его это? Да. Расстраивало.

Собирался ли он изменить ситуацию? Да. Собирался.

Но вот действительно ли он этого хотел?

Когда Бахвалов рассказал о подобной (своей) проблеме одному из близких друзей - тот сначала внимательно посмотрел на него (смерил его взглядом), а потом пошутил, что Даниил сам хочет того, чтобы его жалели.

--С жалостью ты получаешь своеобразный заряд энергии,--предположил Данилин друг, чертежник, увлекающийся на досуге астро-психологией.

--Ты не прав,--буркнул в ответ Даниил, и решил с этим другом на какое-то время отношения разорвать.

Он так часто уже поступал раньше. Можно сказать, что чуть ли не все его друзья прошли через период определенного отторжения со стороны Бахвалова. При этом через какое-то время сам Даниила делал шаг навстречу. Причем вел себя так, словно отношения между друзьями не прерывались. Да и все, по его мнению, было окей.

--Ну, может оно и было окей,--предположил тот самый друг, с которым Даниила сначала разорвал отношения, а через неделю (довольно малый срок; обычно Бахвалова хватало намного дольше) попытался общаться, словно ничего не произошло.--Да только теперь я не желаю общаться с тобой. И вообще считай...

Договорить ему Даниил не дал. Он набросился на друга, повалил на землю, и стал душить, предварительно слегка надавав ему тумаков по ребрам.

--Сволочь,--выдохнул, высвобождаясь, разгневанный друг, который, впрочем, уже не был другом, а если кем и стал по отношению к Бахвалову - так только злейшим врагом.

--Ну и катись,--как ни в чем не бывало, произнес Бахвалов, решив, что если так - то он тоже не станет держать себя какими-то обещаниями да уверениями в вечной дружбе. У него и так было много друзей. Правда, можно предположить, что периодически друзья менялись. Но вот тут-то как раз Даниил Бахвалов пока не подобрался к какой закономерности

происходящего. Предположив только (когда-то давно, и с тех пор он стоял на подобном мнении), что все складывается таким образом, каким это и должно было быть.

Причем вопрос действительно мог показаться проблематичным. Хотя и только с учетом того, что все способно было когда-то закончиться в один миг. А миг этот как бы все время (каждый раз - стоило хотя бы подумать об этом) отдалялся. Отчего,-- понимал Даниил,-- ему еще рано было сдаваться. Хотя бы потому, что как все еще будет на самом деле - он не знал, мало верил в какой негатив, да и вообще - стремился к чему-то такому, после чего все бы в его душе (хотя бы там, подумал Даниила, а после разберемся) стало как-то по-другому.

.....

Так получалось, что было у Даниила Бахвалова нечто, что, в некотором роде, задерживало его развитие.

И получалось так, что он, быть может, и стремился что-либо преодолеть в своем понимании жизни; да ничего не выходило у него, потому как знал он за собой одну неприятную вещь: стоило ему только по серьезному включиться в какой процесс - так тотчас же находила на Бахвалова некая сонливость да тоска. А наступающее за этим отторжение - уводило его от реальной действительности в выдуманный мир. И через время как будто возвращаясь обратно, Даниил все равно чувствовал, что все не то, да не так. Причем как будто нельзя было говорить, что со временем у него могло получиться иначе. Время-то как раз проходило, да ничего не изменялось. И даже можно предположить - что с этим самым временем Даниила привык к своему

состоянию. Когда он если и делал что-то, то уже изначально знал о существовании определенного предела. После чего все могло и действительно остановиться в любой миг. И даже можно предположить - Бахвалов, уверовав, - ожидал этого мига. Словно уже заранее будучи подготовленным к каким-либо последствиям. И принимая те как нечто обязательное, и даже может быть необходимое. В то время как в других ситуациях он бы еще воспротивился подобному.

Но других ситуаций не наступало. Бахвалов оказывался готов только к такому положению дел, когда все что случалось с ним - им самим не замечалось. Ну, то есть, оно замечалось раньше. А теперь словно бы уже и наоборот. Как бы и не был готов Даниила ко всем свалившимся на него пертурбациям психики. И даже если он к чему после этого и стремился (намереваясь добиться оно), то, что уж верно, ничего толкового у него не выходило. А может даже и становилось уже следствием всего этого, закрепление в сознании Бахвалова некой установкой на минутную слабость (название, кстати, придумал сам Бахвалов).

Суть подобного сводилось к тому, что Даниил Бахвалов никак не был в состоянии преодолеть некий пограничный рубеж, за которым начиналось бы если и не счастье, то, что уж точно, путь к благоденствию.

И уже словно бы оказывалось, что Бахвалов верил в искреннее подобное предназначение свое. Словно бы оказывалось так, что ему и действительно было необходимо все это. Ну а когда...

Когда наступала минутная слабость его, так тут уже как бы и без вариантов. Бахвалов словно бы и сам рассуждал о том,

---

что подобное наступало вполне закономерно. И со временем даже оказывалось, что если бы его вдруг не было - Даниил сам бы выдумал что-то похожее на до этого периодически переживаемое. Потому как уже оказывалось, что не мог он без этой минутной слабости.

Слабость, впрочем, постепенно перерастала в нечто большее, и растворялась по жизни.

И уже оказывалось, что не мог Бахвалов жить иной жизнью. Находя какое-то особое очарование в происходящем. И со временем даже подмечая что-то новое и до удивительного прекрасное.

Сергей Зелинский

18.11.2007 год.

рассказ

Хозяин судьбы

Конечно, по всему, была это самая настоящая загадка.

Но уже с другой стороны, наверное, как подобную ситуацию оценивать. Ведь вполне возможно, что оценивать ее можно было и не так чтобы серьезно, или вообще, скажем, ответственно. Но тогда, получается, есть ли смысл вообще оценивать?

На удивление есть. И смысл этот заключается не в таком уж достижении результата. Вернее, достижении, конечно. Но...

Ну, в общем, иной ведь раз общий эффект был намного важнее, чем какой-нибудь смысл от той или иной ситуации. Как минимум логичней признать, что подобное бывает.

Причем, зачастую ведь и не всегда оцениваешь что-либо так или этак. А вот подходишь к оценке какой ситуации, смотришь на нее, крутишь так и этак, даже готовишься и вовсе заняться чем иным. А вот нет, как будто что-то щелкает в твоём сознании, и видишь мир ты уже совсем другим. И даже если только немного иным, а ведь и все равно все может получиться как-то иначе. По другому. Не так как всегда.

И признаешь ты, что подобное возможно. И не надо тебе уже мучиться, переживая, как раньше. Ведь видишь ты какую былую ситуацию с другой стороны. И кажется тебе при этом, что именно так и надо. Что ничего более уже не нужно. Что чувствуешь ты, что должно все быть именно так. Именно так и никак иначе. Потому что иначе?.. Да и как это будет иначе? Иначе, значит по другому. А по-другому, значит не так, как было доселе. А если не так...

Не хочется тебе, чтобы было не так. А хочется, чтобы все было правильно. Чтобы не было чего-то уж такого непонятного. А мир вокруг - подчинялся хоть каким-то, установленным тобой, правилам. И тогда все будет в порядке. Станет в порядке. И не надо будет выдумывать нечто, что могло бы, в итоге, привести как раз к этому, да было уже иначе.

Миша Рыков думал о том, что скоро наступит старость.

До старости на самом деле Мише было далеко. Но вот все чаще в последнее время случалось, что в голову его приходила какая-то ерунда. И не сказать даже чтобы он так-то от нее мучился. Но что уж точно - переживал. И даже может быть - расстраивался. И думал... Ну, он что-то слишком много обо всем думал. Думал даже о том, чего никогда не было, и с ним не

случится. А вот приходила в голову мысль, что было бы, если бы случилось - и не мог он уже так просто от такой мысли избавиться. И страдал.

Ну, разумеется, Миша страдал. Ведь наверняка он хотел другой жизни. Ведь наверняка он стремился к чему-то совсем иному. Ведь наверняка...

Да, уж... Было время, когда Миша ни о чем таком не думал и даже немножечко любил жизнь. Подобная любовь, конечно, была достаточно странная и может даже коварная. А вот с другой стороны, не хотел Миша видеть, что было в его любви к жизни что-то плохое, и не видел. А уж если видел... Если хотел - то уже получается видел.

Но в обще-то, по всему выходило, что Миша Рыков сам для себя выдумывал проблемы. И даже ориентировался на определенную тематику последних.

Причем совсем нельзя было сказать, что все было как-то не понятно, не ясно, не объяснимо. Совсем нет. Ведь если рассудить, то можно было, при случае, и допустить, что многое становилось понятным исключительно после какого-либо анализа назревшей ситуации. Когда что-либо не уходило в сторону, или же уходило не сразу. А маячило на параллельном плане. И когда было необходимо - тут же являлось. И все при этом вообще как-то быстро становилось на свои места. И уже не требовалось многочисленных сомнений да неясностей. Наоборот, все было понятно.

Миша Рыков был не тем, за кого себя выдавал. Еще когда-то давно он придумал себе жизнь, которой старался

соответствовать. А вот сейчас вдруг надоело, и он решил стать самим собой.

При этом, как-то вышло так, что он совсем забыл, каким он был раньше. И в воспоминании и прошлом проходила его жизнь. Какое-то время проходила. Пока он не понял, что совсем не надо ему, чтобы было все так. Достаточно, ведь вполне достаточно, чтобы случилось все как-то иначе. Да и сам Миша почувствовал, что это вполне мог быть выход. Ведь не всегда нужно возвращаться к тому, с чего начали. Иной раз требовалось совсем и другого. Чего? Ну, тут Миша несколько терялся. И хотя, по всему, это действительно было пока, тем не менее происходило все так, что со временем Миша знал, что обернется по другому. И тогда уже не будет перед ним каких-то особых тревог да волнений. А все сомнения и вовсе отойдут на второй план. А то, может даже, и вовсе исчезнут. Такое было возможно.

Но сейчас Михаил старался ни о чем таком не думать. Судьба и так уже не раз обманывала его. И он не стремился лишней раз провоцировать ее какими-то сомнениями, не нужными вопросами, а то и вовсе странными домыслами, что да как. И получалось, что все у него было не так, а иначе. И требовалось просто-напросто узнать, как это было иначе. Чтобы после - не допустить каких-либо ошибок. И чтобы получилось все хорошо. И чтобы не мучиться уже, не переживать, чтобы... В общем, чтобы все было в порядке.

И вот как раз преисполненным решимостью сделать так чтобы все было в порядке, Миша Рыков решил как-то разом изменить, отвергнув все, что было у него нового, все, что было

после. Чтобы потом, возвратившись к началу, сделать уже что-то по-другому.

Но уже с другой стороны, стал размышлять он, возвратить все назад - не значит вернуть действительно все. Ведь за прошедшие годы изменилось и его сознание. И тогда уже...

В общем, понял он, что не так-то и легко будет вернуть все обратно. Что жизнь его могла привести к каким-то новым поворотным моментам. Когда все могло стать по-другому, иначе, и уже не будет так-то уж легко загадывать впредь. А все сомнения его души потребуют и какого-то иного разрешения. Когда попросту станет многое возможным. И когда какие-либо сомнения, быть может, и вообще растают в дымке вечности. И не будет уже так мучительно и больно, как было прежде. Как доселе еще становилось ему, когда он хотел... Да он вообще, многое что хотел. Ко многому стремился. Что-то стремился вообще переиначить. Не допустить, чтобы это было так. Чтобы все было не так, иначе, чтобы...

А ведь не знал он, как будет лучше,--внезапно понял Михаил. Стремился к чему-то, но все эти стремления еще совсем ничего не означали. Не значили. И было так...

Многое на самом деле было не так. Не так как он бы хотел.

Но вот как раз понимания того, как это все должно было быть (чтобы он стал спокоен), по всей видимости как раз и не хватало Мише. И он желал, быть может, и вообще, чтобы все было как-то по-другому. Чтобы у него все было не так, как у всех. Даже не так, как было у него - но раньше. Раньше, по всему, вообще все было не так. Требовалось сейчас во что бы то ни стало нащупать

нечто новое. Быть может даже необычное. Чтобы уже это - новое - помогло ему. И Миша стремился поневоле скорректировать свою судьбу. Решить, чтобы все было по-другому. Чтобы теперь жизнь обернулась к нему добрыми цветами, а не злыми красками. Чтобы перестала волноваться его душа, чтобы не было в ней ненужных сомнений, а все выглядело красиво и замечательно.

Такое было возможным. Но вот когда? Когда все произойдет именно так? Когда в его душе зацветут розы (любимые Мишины цветы), и запоют соловьи. Когда, когда, когда...

По-прежнему вопросов было много, а ответы если и намечались, то как-то совсем несерьезно. И уже думалось ему что он и вовсе может ошибаться. Что не стоило так-то уж разубеждать в чем-то себя. Что возможно иное. Что возможен еще праздник души. Что совсем не нужно ему думать о чем-то ином.

В общем, надо чтобы было все иначе. По другому. И он знал, что такое возможно. Надо, быть может, лишь сделать какое-либо усилие над собой. Изменить себя. И после уже не надо будет переживать. И станет все в порядке.

Получалось, к такому порядку он вообще всегда стремился. Но если это было так, то ему почти обязательно было обратить внимание и на то, что мир его немного не укладывался в общепринятые рамки. Когда все подстраивалось не так, как рассчитывалось. Когда что-то было иначе. Когда окружающие... Вернее, когда он - не замечал окружающих. И почти все время находился исключительно в глубине себя. Общаясь со своим бессознательным. И рассчитывая довести начатые преобразования собственного сознания до какого-либо ощутимого результата. При

этом результат этот он мог даже не видеть. Но и заметив, еще совсем не был уверен, что действительно заметил его. Потому что все по-прежнему было более туманно и нереально, чем естественно и понятно. Осязаемо. Нет, знал Миша, пока что не было так. И еще предстоят многие трудности на пути этих преобразований и самоусовершенствований. Но уже важно было, что он был готов к ним. Был готов бросить все на алтарь судьбы. И даже если потребуется - разом прекратить страдания, закончив жизнь. Ведь он давно был готов к этому. И не важно было, что в подобном он не в силах был иной раз признаться себе. Совсем это было не важно. Ведь главное что сам Миша знал, как при случае поступит. И если дано будет наступить такому случаю, то уже и сомневаться ни в чем не приходилось. Да он и не будет сомневаться в этом; зная, что все вообще тогда будет иначе. А он, Миша Рыков, станет принимать в подобном самое непосредственное участие. Принимать участие в изменении судьбы.

А к подобным изменениям он готов. Пусть кто-то скажет, что не готов, и Миша не поверит такому человеку. Да и зачем ему верить или не верить ему? Миша сам знал, как все должно быть. А если знал, то уже не сомневался что так и будет. А сомнения? Да прочь любые сомнения! Миша уже понял, что он сам хозяин судьбы. И никто не волен мешать ему в принятии решений. Какими бы эти решения не оказались после мучительными, странными, и даже может быть весьма отрицательными.

Ну, в общем, сейчас понял Миша, что еще многое возможно. Но он уже совсем по-другому смотрел в будущее. И

знал, что это будущее будет выглядеть счастливым и познавательным. И это было главное.

Сергей Зелинский

19.09.2007 год

рассказ

Стремление к истине

Он бы мог сказать, что ему ничего не понравилось.

Мог наоборот - задуматься над тем, что только что произошло; и как бы исходя из этого - предположить что-то дальше; уже как бы просчитывая характер своего поведения в дальнейшем. Чтобы придти (как бы следующим этапом) к новому заключению. И уже исходя от этого - добраться по истине.

Скорей всего, чего-то подобного пока не получилось бы. Ну, хотя бы просто потому, что то, к чему стремился Никольский, еще до сих пор не приняло какую-то окончательную форму у него в голове. А потому уже получалось так, что, несмотря на его желание - как раз сейчас чего-то достичь было бы слишком рано. Попросту рано. Потому как не успевал он улавливать суть мгновения. И то, что могло при других условиях вместиться в мгновение - или растягивалось в его случае неимоверно, или же проходило столь быстро, что он не успевал догнать да осознать его.

И в итоге как бы получалось, что все выглядело до невозможности запутанно, да и вообще - весьма и весьма туманно.

Пьер Никольский (Петр.. его звали Петр... Пьер он стал называть себя после двадцати лет. Сейчас ему было тридцать) был высокого роста, крепко скроенный молодой человек. Который

любил многое в этой жизни просто потому, что располагал соответствующими возможностями веселиться. Правда, о том где он работал, сведения были весьма противоречивы; но можно предположить, что зарплата или доход выходили у него много больше среднестатистических условных единиц. А потому Пьер (он и действительно представлялся как Пьер) ездил на вполне неплохой иномарке (джип "Грант Чероки"), два-три раза в год вырывался на недельку на средиземноморские курорты. Снимал большую квартиру на Мойке (жил он в Санкт-Петербурге). Да и вообще, судя по всему, был доволен жизнью.

Вот только жить предпочитал не так, как было заведено вокруг. А потому даже когда находился Петр Никольский в компании - все равно как бы оставался один. Чему нисколько не печалился, а даже может быть и радовался. Как способен, например, радоваться человек, находящийся на своей "волне" (со своими мыслями), и нисколько не стремящийся изменить собственную жизнь, предполагая, что как раз она у него движется в заданном ритме-направлении. И менять, собственно, ничего не нужно.

Как бы не так! Пьер никому не говорил, но иногда наваливалось на него нечто, одновременно напоминающее тоску -- и самое большое горе. После чего он, совсем не рассчитывая избавиться от этого - предпочитал уединение; для того чтобы какое-то время находиться наедине со своими мыслями-страданиями (новые мысли приносили страдания). А потом неожиданно его "отпускало". И все как бы становилось на свои места. До следующего раза.

.....

Решился как-то Петр Никольский совершить нечто, что могло бы навсегда избавить его от печали да кручины. И все было бы хорошо, да все идеи, которые приходили к нему, как бы крутились вокруг необходимости не переменных собственных изменений. А если предположить, что подобное было сделать не так просто, то как бы и оказывалось, что ища спасение в чем-либо - Пьер чуть ли не тут же понимал бесперспективность чего-то подобного. А значит уже как бы оказывалось, что все происходит если не совсем зря, то, что уж точно - почти зря.

--Ну а раз так,--рассудил он, то значит окажется, что если о многом и можно было рассуждать, то вдаваться в какую конкретику не стоило. Потому как запутал бы он тем самым себя до невероятности. И что вышло бы после этого - был бы весьма и весьма серьезный вопрос.

Но Петр не унывал. Он как бы с недавних пор вообще разучился унывать. И предрешая собственную жизнь поступками, оказывавшими весьма позитивное влияние на его душу -верил, что осталось еще немного, и он окончательно разберется со всем тем, что его мучило доселе.

Вот, например, любил Петр женщин. Да не абы каких, а женщин, в глазах которых была острота, а во всем внешнем облике -- особая изюминка. Женщин с красивым телом и чистой душой. Без обмана, как говорится.

Размышления о подобных женщинах чаще всего заканчивались ничем. Причем, Петр уже готов был преодолеть врожденную стеснительность дабы познакомиться и -- если

потребуется (а он считал, что непременно потребуется) - овладеть такой женщиной. Они ведь,-- рассуждал Петр, имея в виду женщин,-- любят сильных мужчин. А был ли Петр сильным? Наверное, был. Причем где-то в потаенных уголках души скрывалась еще большая сила, которую он пока попросту опасался выпускать наружу. Словно боясь - что не удержит себя, дав волю чувствам.

И хотя чувства эти почти целиком и полностью жаждали на сексуальной энергии, он, тем не менее, был не склонен как-то принижать значения подобного фактора в жизни; причем как его, так и кого другого.

--Общество конечно,--говорил себе Петр,--расставляет ловушки, подавляя подобные желания. Но и при этом Никольский понимал устрашающую силу этих желаний. Отдавая отчет, что до поры до времени скрываясь - все равно (при благоприятных условиях) найдет выход.

И все же, во всем поведении Пьера Никольского было больше чего-то отталкивающе-прекрасного, чем и на самом деле искреннего стремления со стороны кого-либо хоть как-то заполучить этого человека. Заговорив - пожелать развить тему беседу. Быть может встретиться вновь, дабы хоть как-то закрепить в памяти такого человека - себя.

Подобное было мало кому нужно. Причем совсем грустно было бы считать, что виноват во всем сам Никольский. Точнее - он и был виноват. Ну, или скорее - ошибался. И ошибался как раз в том, что попросту, как говорится, влез не в свой вагон, а то и эшелон. Ведь можно только предположить, как было бы прекрасно, общайся Петя Никольский со своим кругом, а то и с

теми, кто по своему интеллектуальному развитию (вернее - недостатку оногo) был ниже.

И наоборот, к чему стремиться к нем, кто волей жизненных обстоятельств живет в ином мире. И только из-за приходи своей желает, чтобы этот мир пересекался с миром его. Как бы не так... Те люди понимали это сами. Петр Никольский понял много позже. А осознав...

Осознав, Петр Вельяминович Никольский повел себя прямо противоположно тому, что можно было предположить - получи кто другой подобную информацию.

И даже получалось так, что он сам решил влезть в тот круг, где до недавнего времени чувствовал себя изгоем. Да вот вопрос - что одними деньгами тут вопрос как бы не решить. Требовались знания, если хотите (сам Петр не хотел) соответствующее образование. А у Петра...

И вдруг вспомнил Петр, что у него-то как раз были такие и знания и образования. Просто из своей - прорывавшейся наружу - шизоидности он попросту не мог (не умел) достойным образом всем этим воспользоваться. И даже выходило так, что Петр поновому (даже неожиданно для себя) воспринял окружающий мир.

И получилось у него, что он стал вдруг - и только теперь он осознал все это - "в своей тарелке".

И это образное выражение как бы негласно и все время сопровождало с тех пор Петра Никольского. Да и сам он понял, что совсем необязательно сдаваться раньше времени. А всегда лучше - продолжать борьбу.

И хоть большей частью борьба была все больше метафизической, за ней - чувствовал Никольский - скрывалась

определенная правда. Причем, как раз вера в такую правду словно дополнительно укрепила Петра Никольского. И он стал после этого... Он стал после этого совсем другим человеком.

И понравился самому себе. Что было, наверное, самое главное...

Сергей Зелинский

16.11.2007 год.

рассказ

Покорение пути

Он не думал, что когда-нибудь попадет в такую зависимость.

Он делал все аккуратно.

Но это было раньше.

Раньше он был скромн, в меру обаятелен, и весьма застенчив.

Но проходило время, и Руслан сам не заметил, как и где набрался всей этой гадости да суровости (как отхарактеризовала его как-то одна из случайно встретившихся бывших знакомых). Причем еще до последнего сам он этого старался не замечать. А тут как бы посмотрел (и увидел!) себя другими глазами.

И стало сразу как-то забавно от всего этого.

--Забавно - это странно,--сказал приятель Руслана в разговоре с другим приятелем (они обсуждали Руслана).

Так повелось, что Руслана многие обсуждали. При этом кто-то его искренне любил, кто-то ненавидел, кто-то относился к нему нейтрально-незаметно, а то и старался вовсе не замечать.

Но даже не замечая, все -- все равно относились к Руслану Довгаеву с долей того любопытства, которое не только позволяет общаться с таким человеком, но и даже встречаться через многие годы расставания; причем такие встречи обычно проходили в теплой, дружеской обстановке.

Руслан Довгаев знал и любил других людей.

У него был обширный круг знакомств (от официанток - до министров). Сам он работал...

Руслан был тусовщиком. Он посещал различные мероприятия Питера и Москвы. Ему было двадцать семь лет. Его кормил папа. А Руслан, прогуливая деньги родителя, стремился завести побольше знакомств. Как будто рассчитывая, что когда-нибудь они ему пригодятся.

Руслан Довгаев заканчивал факультет международных отношений в Санкт-Петербургском университете. Папа его трудился в нефте-добывающей отрасли. Мама вышла замуж за араба и уехала в Пакистан. Брат, промотавшись всю молодость по горячим точкам, исчез. Ходили слухи, что он поддался к ваххабитам. Кто-то, впрочем, слухи эти опровергал, намекая, что Довгаев-старший (папа у братьев носил другую фамилию) осел где-то за границей и живет своей жизнью, а не бегает по горам, как свидетельствовали слухи.

Довгаев слухам не верил. Как не верил никому.

Ну а так как он привык полагаться на себя, то откладывало это весьма своеобразный отпечаток на его душу (проецируясь на внешность поведения и образ мыслей). Поэтому иногда Руслана понять было невозможно. А иногда - он представлял чистым своими помыслами, и незамысловатым

поведением указывал на то, что с ним можно быть откровенным, не опасаясь какого предательства.

Был ли он таким на самом деле - вопрос.

Но уже можно сказать, что как раз внешне Руслан выглядел весьма интересным человеком. С ним хотелось общаться. И, наверное, даже было возможно - поделиться с ним какой государственной тайной. Как бы услышав мнение о ней - но и зная при этом, что больше о таком его мнении никто не узнает.

И при всем притом - Руслан Довгаев являл собой противоречивую личность.

Получалось подобное потому, что в разное время он был разным. Веселым и добрым, стремившийся к нравоучениям, и до глупости открытым, разным, в общем.

Впрочем, правду не знал никто. Кто-то из знакомых папы, когда тот, находясь на севере, попросил доверенных лиц сделать о сыне свое мнение, полагал, что происходит подобное от того, что в какой-то момент у Руслана сбилось понимание собственной роли и места в жизни; кое-кто предположил, что он просто не определился каким ему быть; говорилось еще о маске, присутствующей у каждого индивида, но голоса по этому поводу оказались самыми малочисленными, и всерьез папой не воспринимались.

Где крылась истина?

Где скрывалась она - папа не знал.

Он лишь подумал, что никому нельзя верить. Потому что даже не находясь рядом с Русланом, знал, что тот совсем иной, чем представляют его "доверенные лица". А кое-кто из доверенных - через время таковым быть перестал. После чего

оставшиеся проследили подобную тенденцию - и стали папе говорить о сыне только хорошее. Тем самым выявив свою ложную сущность и предательско-подхалимское мышление, и с ними папа Руслана расстался тоже.

У него уже почти никого не осталось из тех, на кого он бы мог положиться.

И вовремя остановившись - папа махнул ("временно",-- решив про себя) на Руслана рукой, повысил вдвое его денежное содержание и будучи намерен на какое-то время оставить сына в покое.

.....

Можно предположить, что Руслан Довгаев думал о жизни даже более серьезнее, чем кто-либо из его сверстников.

Однако, даже думать так, означало бы как минимум не верить простому ходу вещей; когда образовывалось некое непонимание ситуации - вследствие факта ошибок, совершенных от неправильного видения ситуации. Когда упускалось главное. Когда что-то действительно необходимое - отходило в тень. А вместо этого, на первый план выходила всякая мерзость. От которой становилось, иной раз, больно и обидно самому Довгаеву. Хотя и было ясно, что внешне он старался не показывать своих душевных переживаний, находя это поводом для еще больших нападков со стороны врагов. А враги Довгаеву были не нужны. Потому как отвлекали на ненужную борьбу. Борьбу с ветряными мельницами, как их называл Довгаев по примеру Сервантеса; притом что до конца Руслан не ведал как ему следует поступать на самом деле. Он только сомневался, иной раз, через чур. Понимая,

---

что смотрит на ту или иную ситуацию не с той плоскости. И при этом верил он во что-то свое. В то, что все каким-то образом изменится. Ну, или -- может измениться в любой момент. А он, получается, если окажется к этому не готов - то будет в минусе.

Он и готовился.

--Знать бы еще к чему,--шутил Довгаев...

Впрочем, видимо нечеткость в его цели действительно удручала Руслана. Но и выбирать свой путь в окончательном варианте он был еще не готов. Потому как предстояла Руслану борьба. Он это знал. Он стремился к единой победе. Он стремился покорить какие-то свои пути, достигнув вершины, которые стояли перед ним, но которые, быть может, он еще пока не видел. Не находил. Не находил, что они необходимы ему.

.....

Случилось так, что Руслан Довгаев вдруг понял все.

И как бы осознал весь свой путь, который скрывался до этого за завесой тайны. А теперь словно бы предстал перед ним, и...

Легче стало от этого Руслану. Почти наверняка легче.

Хотя пока он (можно предположить) еще и не подозревал, что может произойти от всего этого в его дальнейшей жизни; но что уж точно - жизнь казалась ему (стала казаться) уже совсем не такой шаткой, как раньше. Как раньше - если рассматривать все происходящее с ним по настоящему. То, что было на самом деле, а не так, как он хотел - чтобы это было.

И уже получалось, что он совсем теперь не переживал что будет это так. Потому что разом уверовал во все, окружающее его.

.....

Прошло еще какое-то время, и Руслан получил благодарность от папы.

Благодарность была в виде новенького "Мерседеса", и... девушки.

Причем девушка оказалась такая, о которой Руслан мечтал всю жизнь. А папа, получается, угадал чаяния сына.

Помимо внешних данных у девушки (Линда, ее звали Линда) была патологическое подчинение мужчинам. Вернее - тому мужчине, которому она принадлежала. Руслан, было, подумал, что раньше Линда принадлежала папе,-- да папа, предусмотрев это "искаженное мнение" (как он сказал) - обставил все так, что Руслан вскоре уверовал в исключительную правду, исходившую от девушки. К тому же она оказалась девственницей. И это настолько понравилось Руслану, что он принял предложение от папы - взять девушку в жены.

Двадцатитрехлетняя Линда была согласна заранее. И она действительно проявила полное подчинение мужчине. Не перечила ему, и честно исполняла все его извращенные желания. Он даже не знал, что в нем царил такой разврат.

Со временем (времени прошло немного) Руслан остепенился.

К тому же подошли остальные изменения в жизни. Он закончило университет. Почти тут же поступил в аспирантуру, и

за год, пройдя ее экстерном, защитил диссертацию. (Ходили слухи, что помогли деньги папы.)

И Руслана родился сын (Самвел). А потом и дочь (Лера).

Жена к этому времени стала еще красивее. И по-прежнему беззаговорочно подчинялась любому желанию своего мужчины. Который к тому времени стал уже полноправным партнером папы (папа решил что пора). И будущее предполагало быть только хорошим.

Ну а самое главное, Руслан Довгаев действительно нашел свой путь. Нашел вершину - и покорил ее. После чего зажил в мире и комфорте.

Сергей Зелинский.

23.11.2007 год.

рассказ

Успешность

1

Ему очень хотелось, чтобы у него получилось.

Но он сам не верил в это. Слишком сильно руководил его действиями разум, чтобы можно было даже попытаться что-то сделать. Притом что он пытался. Всяческим образом и так и этак он старался добиться ожидаемого результата. Это только с большой натяжкой можно было сказать, что он не верил. Верил, конечно же, верил. Но вот вера эта как бы была не настоящая. В душе-то своей он все понимал. Всяческим образом стремился понять. И после каждого такого стремления как бы оказывалось, что понимать начинал еще больше.

.....

Рифат Рескиев стремился к успеху. Можно даже сказать, что он и сам состоял из успеха. Из успешности, даже можно предположить.

Да и вообще уже получается, что какая-либо успешность была той цементирующей базой, на которой, собственно, и зиждилось все, ну или многое. И что уж было точно, это то, что Рескиев стремился в жизни добиться собственными поступками результата. Того результата, при котором, собственно, и было бы явно видно проявление его успешности. Это можно сказать, было той ключевой линией его поведения, с которой подходил Рескиев к разрешению любых жизненных вопросов.

Большинство таких вопросов носили спорный характер. Видимо Рифат сам себя запутывал. А иной раз - запутывал до безобразия. И уже все его попытки выпутаться начинали наталкиваться на непреодолимое препятствие. Причем со временем он понял, что вполне может научиться обходить эти препятствия. Как? Да просто не замечать их. Стараться все делать разумно, и на различные ситуации в жизни иметь свой ответ.

Ответ должен быть подготовлен заранее. Планировались различные жизненные ситуации, и к каждой из них подбиралось то или иное разрешение ее. Таким образом, достигался результат. Результат как бы тоже был запланирован заранее. После чего все становилось просто и сбалансировано.

Но все так зачастую оказывалось только в мыслях Рескиева (где все удивительным образом срасталось). Действительность была более печальной. Результат чего -

---

участившиеся в последнее время сожаления Рескиева о случившемся. Причем, можно было предположить, что сам он - во время совершения каких-либо поступков, о которых чуть позже начинал сожалеть - тогда еще не ведал, что все получится в итоге столь печально. А даже как будто и стремился развивать тему дальше. Словно предполагая, что все у него действительно получится. Ну, или может получиться.

.....

Работал Рифат чиновником в Ростехнадзоре. Но никак не нравилась ему его работа. Хотя пока он и не решался ее менять. Каждый раз, когда подступали подобные размышления и уже вроде как зрело в его голове уверенное решение послать все к черту и изменить судьбу, находилось что-то, что отводило его от столь опрометчивого шага. И тогда он пытался как-то решить вопрос по-другому. Ну, уже получается, смириться с происходящим.

А потом вновь - отдалялся он от принятого недавно решения; зачастую ругая себя при этом последними словами. Да он и вообще часто бывал к себе беспощаден. А если и принимал критику, то только от себя. Всех других старался не замечать. И даже делал назло обратное, если получалось, что он все равно начинал подсознательно подстраивать жизнь под какие-то новые шаблоны и порядки. Порядки, которые ему были вовсе безразличны. И прежде всего потому, что он им не верил. Считая, что во всем - и всегда - должен полагаться исключительно на себя. На свой жизненный путь и знания. Тем более к знаниям Рескиев стремился. Прочитывая тома литературы, ведя какие-то дневники

и заметки, да и вообще... Ну, в общем, к знаниям Рескиев действительно стремился.

.....

Случилось так, что Рифат задумался о кардинальных преобразованиях в жизни. Для этого он купил новую тетрадь, ручку (плюс два стержня в придачу), и приготовился отмечать все некогда совершаемое в жизни, что позже приносило какую-то неприятность. Он задумал отмечать все жизненные события, а позже возвращался к ним, если цепочка размышления указывала на то, что это именно они виной случившегося.

Пока, впрочем, ничего не случилось. Хотя и задуманные действия его также пока не удавались. И прежде всего Рескиев запутал себя. После чего хотел было забросить не оправдавшее себя занятие, да надумал новый поворот в деле анализа происходящего с ним. Ну, то есть, он попросту перестал делать подобный анализ. Хотя и предпочитая все держать в голове, но уже не искать виновных.

Получилось.

После это Рескиев попробовал было возвратиться к письменному анализу, да тут же смирившись с тем, что ничего не получается, забросил это дело.

Хотя и просто жить не стал. И почти тут же придумал для себя нечто новое. Что, по его мнению, могло ему помочь в деле становления себя как личности. Ну, то есть, уже получалось, в успешности.

"А ведь, по сути,--подумал Рескиев,--одни шатания у меня всю жизнь".

И крепко задумался он над этими словами. Выходило что и действительно, еще многое предстояло ему сделать в этой жизни. И прежде всего, необходимо было как-то упорядочить жизнь. Чтобы исключить из нее какие-либо тревоги да пустые заботы. А в мире вокруг увидеть нечто доброе и что уж точно - позитивное. Того, что ему, быть может, в жизни больше и недоставало.

И как только понял он это, то уже всеми силами постарался действительно привести себя к чему-то доброму и положительному. И, как ни странно, попытался и вовсе исключить какую-либо оценку действительности. Подозревая, что это все ненужно и мелочно. Тогда как главное он все время не замечает. Оно проходит стороной. И наверняка ведь где-то есть, существует, но каждый раз каким-то злым образом отдаляется от него. Он стремится к нему. А оно удаляется. Чтобы может быть уже никогда и не возвратиться. Хотя и считать так было бы совсем не верным. Потому что точно, что существует нечто, что обязательно должно его вывести наверх. К вершинам, к которым он продолжал стремиться. Ну, то есть, к успешности. Ведь это как ни крути до сих пор, несмотря ни на что, оставалось главным, что ему вообще когда-либо было нужно. Столь главным, что оно вполне могло вытянуть и все остальное. И привести к нужному знаменателю, подытожив то нечто, что вызывало пока еще разброд в его душе. И что уж точно - ни к чему привести не могло.

"Пока не могло",--сказал Рескиев, и его лицо осветилось решимостью довести начатое до конца. Прежде всего, требовалось еще раз все подробным образом проанализировать. Попытка исключить анализ тут же была признана ошибочной. Да и не

могло быть иначе. Ведь Рифат был думающим человеком. И уже не таким молодым, чтобы был у него ветер в голове.

Телосложение он имел крупное. По внешнему виду мог вполне сойти и за уверенного в себе человека. Ну а то, что в душе он таковым не был, это знал он сам. И стремился исправиться. Сейчас это было одним из пунктов плана выхода из сложившейся ситуации. И надо было во что бы то ни стало что-то делать. Быть может даже совершить невозможное. Чтобы после... Чтобы после уже не раскаиваться, что не смог ничего сделать. Вроде как мог (каждому в жизни дан шанс, другой вопрос как он этим шансом воспользуется), но не сделал.

И осознание уже этого стало подгонять Рифата. Причем за короткое время он сделал действительно многое. Научился, например, по-другому реагировать на какие-либо жизненные обстоятельства. Нет, не замечать те (как было подумал, что должен делать раньше), а наоборот - всячески погружаться в них. Чтобы после...

Чтобы после был уже исключительно положительный результат. Результат всего, что могло быть, могло произойти, что вообще еще будет. Ведь точно, что будет многое. Потому что просто так не могло ничего закончиться. А впереди могли его ожидать еще те этапы, которые ему предстояло пройти. И он их пройдет. Об этом уже знал Рифат Рескиев. Потому что стремился он стать успешным. И знал, что все для этого сделает.

2

За какое-то короткое время Рифату удалось начать новую жизнь. Притом что также удалось ему практически полностью

изменить себя. Он даже похудел (до размеров средне статистического мужчины). В общем, преобразился.

И при этом работу как будто не только не бросил, но и полюбил. Просто он подумал, и попросил перебросить его на другой участок. Теперь в его обязанности входили проверки коммерческих предприятия. Взятки он не брал, но от подношений отказать не мог. Таким образом, достаточно быстро поправил свое материальное благосостояние. И даже обрел некоторую гармонию в душе. И, прежде всего, уверенность. С начальством всегда делился. Поэтому знал, что-то всегда уберезет его, если что. И хотя попадал, таким образом, Рескиев в некую зависимость, потому что не мог он уже так просто, если бы захотел, соскочить (приучив начальство к подношениям), пока он об этом не печалился. Тем более, что уже придумал еще один план. Согласно которому он сможет и вовсе какое-то время не работать. Сейчас денег уже было достаточно на пару лет вполне спокойной жизни. Когда цифра дойдет до пяти лет - Рескиев планировал уволиться. И пожить в свое если не удовольствие, то, по крайней мере, пяти лет ему было бы достаточно, чтобы привести в порядок собственные мысли. Он только сейчас окончательно осознал, какое наступит тогда замечательное время.

И всяческим образом к этому времени стремился.

.....

Вскоре Рескиеву новая работа надоела. Он вдруг заметил, что мысль об успешности уже вроде как перестала возникать у него. И подобное посчитал Рескиев очень нехорошим симптомом. И даже подумал что ему, быть может, надо вообще как-то по-

---

другому повернуть жизнь; обратить ее к себе исключительно лицом. И, по сути, принять вызов судьбы и жизни. Ну и, прежде всего, вернуть себе успешность. Причем добиться, чтобы впредь ничто не мешало ему...

"Да все нормально",--неожиданно подумал Рескиев.

Ему сейчас вдруг показалось весьма сомнительными все его тревоги и страдания. Нелепыми даже. И он понял, что попросту забыл выведенное когда-то -- самим же - правило. Суть которого сводилась к тому, что можно быть успешным или неуспешным, все люди находятся примерно в равных условиях, а все зависит от того, как вы считаете про себя сами.

И уже в соответствии с этими новыми параметрами его жизни, корректив в его жизни, можно было совсем по иному взглянуть на свою жизнь. "Причем действительно,--подумал Рескиев,--посмотреть на нее с позиции истины".

"Ну, то есть успешности",--тут же добавил он.

И ему сразу стало весело и свободно. А в душу пришел праздник. И там стали распускаться цветы. И больше как будто уже не было тревог и волнений. Потому что согласно теории Рескиева, волнения таковыми совсем и не являлись (речь о причине возникновения), пока мы сами не посчитаем, что в жизни произошло нечто, после чего нам необходимо волноваться. А произошло это или нет, самой природе человека все равно. Она ждет соответствующей команды от разума. Который, основываясь на опыте, реагирует тем или иным образом. Причем негативным уже как бы немного больше. "Попросту страхуюсь",--понимал Рескиев.

И приняв подобную установку, Рифат Рескиев и действительно почувствовал улучшение в жизни. Жизнь ему уже не казалась каким-то недоразумением. И все у него было в этой жизни успешным. А кто считал обратное - попросту ничего не знали. "Да, наверное, и не понимали", -- улыбнулся Рифат Рескиев, успешный человек.

Сергей Зелинский

31.08.2007 год.

рассказ

СОЛНЫШКО

1

Ему всегда было несколько сложнее, чем другим, понимать как будто простые вещи.

И пусть подобно было только вначале. Сигизмунд с детства и с юности не привык разделять то, что было, в сравнении с тем, что могло быть. Могло произойти. Могло случиться уже как бы и не по его вине.

И выходило так, что стремился он всегда к какой-то неведомой цели. Неведомой - потому как заметно различалась эта цель от тех, которые были у других, у сверстников Сигизмунда, например. Кстати, еще в школе имя Сигизмунд одноклассники сократили до Сиги. С тех пор он и был - Сиги.

Прошло 20 лет после школы, а Сиги так и остался - Сиги. И даже представлялся давно он так. А когда переспрашивали (непонятное имя всегда вопрос), Сигизмунд с каким-то особым внутренним воодушевлением рассказывал о том, что он сам думает по этому поводу. И скорей всего большинство общавшихся

с ним считали его как минимум странным. Но верно - не подавало какого знака своего понимания. А то и даже пытались как-то воодушевить этого человека.

Притом что хмурым и загадочным Сиги был уже по жизни. И видимо совсем не стоило (да и не могло) что-либо выбить его из привычного ритма жизни. Разве что, если бы случилось нечто непоправимо загадочное. Да оно, впрочем, и случилось.

А получилось так, что Сиги ехал в загородной электричке (выбирался он периодически подышать свежим воздухом в курортный район), вышел на не слишком заметном полустанке, да и побрел куда глаза глядят.

Как после он объяснял...

Впрочем, нашли Сиги в каком-то загадочном месте. Там ничего не было, что способно было бы хоть как-то заинтересовать молодого человека, за исключением девушки, в которую невозможно было не влюбиться. Да и при этом влюбиться так, что разом (достаточно быстро) пересмотреть всю свою жизнь. После чего признать (тут же), что в жизни не встречались и не встретятся ("рассудил Сиги") девушки даже похожей на эту. Причем и внешние и внутренние качества вступали в какой-то необъяснимый коррелят. После чего достаточно глупо было бы хотеть что-нибудь еще, кроме заполучения навсегда этой красавицы. И он приложил максимум усилий, чтобы свершилось то, что он тайно возжелал. Причем, о каком-то сексе речь, вроде как, и не шла. С недавних пор Сиги достаточно загадочно относился к этому естественному отношению между мужчиной и женщиной. В том плане, что он никогда не шел против природы,

---

но умел усмирять свой пыл. Тайно разгружаясь самостоятельно. А на людях выглядел совсем иным, непреклонным, например. Причем, можно было заметить, что подобную модель поведения Сиги выработал уже давно. Тогда когда понял, что сила многих людей заключается в их своеобразной игре перед обществом. Потому как обществу совсем были безразличны вы; ему нравились люди, подпадающие под определенную модель жизнеустройства. А Сиги, к слову сказать, как раз весьма подпадал под эту модель. После того, конечно, как начал работать над собой. И работа - он шел к одному ему известной цели. Причем до поры до времени не озвучивал эту цель, потому как понял, что не все люди готовы к подобному. Да и вообще Сигизмунд (про себя он называл себя полным именем) понял, что только по совсем общему и усредненному порядку все люди принадлежат к классу людей. Тогда как внутри класса они весьма различаются друг от друга. И даже если предположить, совсем не мог он какое-то время определиться. Пока не понял, что он заметно отличается от тех, и других, и третьих (таких классов в его представлении было великое множество). А потому должен пока пребывать действительно один. Хотя бы потому, что должен был задумываться об элементарном выживании. И о том, что когда-то наступит момент, когда он сможет максимально раскрыться и быть (стать) самим собой. А до этого времени должен (обязан!) он попросту ждать. Причем уже как бы совсем не обращая внимание на то, сколько потребуется для этого времени. А равно и не обращая внимание на то, что подобный период вполне может растянуться на годы. И при этом, все эти годы для него важно сохранить в себе то начало, которое столь откровенно открылось

ему. А значит, как минимум, он должен не сдаваться сейчас. И если возникало на его пути нечто, что, как он угадывал, сможет максимально раскрыться и быть самим собой. И не оставляя в стороне - забирать с собой. Как, например, девушку Катерину, которую он встретил в глуши, в которую влюбился, и которая в его представлении являла пример женщины, необходимой ему для его жизни. Притом что еще раньше он как будто решил, что как раз для его жизни женщины вообще не особо нужны. Но сейчас признавал, что стал считать так, просто не встретив ту женщину, которая действительно была бы ему необходима. Не встретив - да и, наверное, отчаявшись встретить.

Но теперь было все наоборот. Теперь девушка Катя (двадцати семи лет, стройная, высокая, с высокой грудью, красивой попой, красивыми бедрами, правильным взглядом на жизнь) как бы и действительно являла пример чего-то другого. Того, к чему раньше, как он понял сейчас, он только подбирался. Тогда как на самом деле все было совсем даже иначе. А он... А ему вдруг понравился его новый взгляд на жизнь. И как раз теперь он стал придерживаться этого взгляда. Чтобы не мешало ему более ничего. Чтобы все у него впредь получалось. Чтобы он хотел и добивался только победы.

2

Понимание жизни для Сигизмунда явилось каким-то чудодейственным откровением. Он даже хотел, было, и вовсе изменить свою жизнь. То есть перекроить ее в соответствие с новыми требованиями времени. Да пока решил вводить изменения постепенно.

.....

Вернувшись в Москву, Сигизмунд, тем не менее, начал новую жизнь.

Причем, началась она скорее без его какого-то введения. Когда хотелось ему достигнуть большего, чем он, наверное, мог.

И даже так вышло, что может и хотел бы он сдержаться, да все стало происходить без его ведома. А действительность словно бы уже не подчинялась ему. Стала даже одно время какой-то размывчатой. После, правда, мобилизовалась (или мобилизовался он), и уже все вдруг начало быть совсем другим. Да он и сам заметил эти жизненные преобразования.

Катя, правда, их не замечала. Для нее, выросшей в сельской глубинке, он и так казался королем или принцем. Поэтому даже если бы он стал еще круче (Сигизмунд был инвестором в ряде компаний, ставших вдруг крупными и успешными), она бы отнеслась к этому как к само собой разумеющемуся факту. Потому как, быть может в первый раз в жизни к девятнадцатилетней девушке пришла любовь. И она старательно оберегала это чувство. Понимая (пусть большей частью и бессознательно), что там, где жила она - потенциальным женихам уготована судьба пьяниц или наркоманов (распространенный факт в постперестроечной России), а Сигизмунд был ее солнышком.

Она его так и называла: "мое солнышко".

А он шурился от удовольствия как мартовский кот. И возвышался от этих слов любимого человека в собственных глазах до невероятных размеров. Да и вообще, можно сказать, радовался жизни. Ибо как-то разом понял, что, быть может, жизнь как раз и состоит из таких мгновений.

И что уж точно - ему все нравилось.

А какие-то сомнения он отгонял, да от подобных и
избавлялся.

Они были ему не нужны.

Он полюбил жизнь.

И полюбил тех, кто находился в этой жизни с ним рядом.

Сергей Зелинский

25.11.2007 год.

рассказ

Кукла

1

Можно сказать, он ко многому приходил своими
этапами.

Причем, глупо было предполагать, что Гаранян не видел или не понимал что-то. Совсем нет. И видел, и понимал. Вопрос только, что он приучил себя не произносить мысли вслух. А словно бы поначалу понаблюдать, чтобы уже после - ударить в самый неподходящий момент какой-то имеющейся у него информацией. Причем то, что бил Гаранян наверняка, было понятно и так. Его кряжистая фигура небольшого роста словно выдавала в нем боксера. Но спортом Гаранян никогда не занимался. Он предпочитал интеллектуальное преимущество. Хотя и окончательного выбора по тому, как себя вести, еще не сделал. Намереваясь совершить, быть может, и что-то такое, что помогло бы ему как-то оценить дальнейшее свое поведение. Ибо то, что он запутался - было фактом достоверным. Вот только знал

уже из своего опыта Гаранян, что запутался-то он запутался, может и так, да вот только в чем?

Этого он не знал.

В случае, если бы он одерживал победу, Гаранян бы все равно остановился и все самым настоящим образом бы взвесил. Это у него было в крови. Подобную черту находило не нужной много знакомых Гараняна, становившихся через какое-то время знакомыми бывшими.

Сам Гаранян, казалось, не замечал противоречий. Он стремился к чему-то своему. Видимо -- ясно видел цель. И если уж говорить начистоту - ему давно уже совсем безразлично было мнение кого-либо. Он вообще считал, что большинство окружающих (даже если эти окружающие в данный момент его не окружали) - это сборище людей, с которыми у него разный путь. И ни они, ни их мнение - было ему не нужно.

Оно было не нужно не ему, ни, наверное, и им самим. Поэтому Гаранян, задумываясь о чем-то, что происходило с ним, находил все это правильным, и даже может быть вполне логично-закономерным. Тогда как он мог, конечно, предположить нечто иное, но что не все - это уж точно.

И несколько не печалился из-за этого.

И при всем притом, Фрунзик Степанов (папа - Ара Гаранян, мама - Василиса Степанова) явно понимал, что те требования, которые выдвигает жизнь, он вполне способен подчинить своим прихотям и желаниям. Да и не только он. На это необходимо было только решиться. После чего уже как будто и глупо было говорить, что что-то могло пойти не в направлении, задуманном Гараняном-Степановым (поиграв с фамилиями, он в

итоге остановился на двойной). Так же как и везде в жизни - всегда побеждал тот, кто был более уверен в своей победе. И Гаранян знал об этом. Потому как еще папа его выиграл выборы в Нахичевани. И хоть после этого папа бежал в Российскую Федерацию, это уже как бы уже ничего и не значило. Потому как Фрунзик понимал, что папа просто выбрал условия, лучшие для проживания. И что с того, что сам Фрунзик до сих пор имел неопределенный статус. Он знал что папа (папе - 48, Фрунзику - 24, маме Фрунзика - 40) все равно все устроит так как надо. Да и папа на самом деле устроил. Причем вскоре как раз папа рассудил, что хватит Фрунзику сидеть без дела, и определил того заведовать складом продуктового магазина. А позже уже сам Фрунзик выбился в люди. Причем никто не знал как, но через совсем небольшое время Фрунзик уже получил и российское гражданство, и купил себе престижную машину, да и вообще, поднялся на следующий уровень социальной лестницы. И даже купил папе пару таких магазинов, в которых работал когда-то. А папа... А папа Фрунзика недоумевал переменам, происходившим с его сыном. Мама же Фрунзика, казалась, знала (или делала вид, что знала), но папа уже не жил к тому времени с мамой. Папа Фрунзика жил с...

Впрочем, он жил один. Мама тоже жила одна. А Фрунзик взял в жены сразу двух девушек (отношения оформив с одной). И жил с ними, можно сказать, душа в душу. Разве что стало проявляться в последнее время в душе Фрунзика какое непотребство. И реализацией подобного он все чаще занимался. А с женами то расходился, то сходился. И что уж точно - ругался самым невообразимым образом.

Пока не пришло к нему в голову феноменальное (как это оценил он сам) решение. И Фрунзик стал жить... с куклой.

2

Куклу звали Машей, и была она живая.

В прошлом Маша танцевала в варьете. Была она почти на десять лет старше Фрунзика. Но это ничего не меняло. Потому как и выглядела она моложе, и внешность имела такую, что хотелось не только смотреть да любоваться, но тот час же возникало у Фрунзика при виде девушки сильнейшее сексуальное желание. И ему становилось весьма тяжело удержаться. Хотя он и сдерживался.

А как только Маша дала понять, что сдерживаться необязательно, Фрунзик тот час же взял ее в жены. Потому как нужна была ему именно такая дама сердца. Дама, больше напоминающая куклу. Чтобы не надо было, приходя домой, думать еще о том: когда и как; потому что Маша всегда работала на опережение. Угадывая характер желаний мужчины. И делала тогда все так, чтобы как раз Фрунзик делал с ней все, что ему хотелось в тот конкретный миг. Притом что в другой миг -- было по-другому. И Маша всегда предоставляла мужчине свободу выбора. Просто он знал - что она готова всегда. И желает всегда - если желает он. А если же нет...

Машу звали куклой за странную схожесть с куклой Барби.

А еще ее прозвали куклой потому как она замирала, когда чувствовала, что наступал необходимый для этого момент. И мужчина в такие минуты мог делать с ней все, что ему заблагорассудится. Потому как она разве что дышала и иногда

двигалась в нужном направлении. Но это с другими, а с Фрунзиком просто лежала без движений. Потому что Фрунзик любил, когда его партнерша совсем не двигается. И даже может быть желал он, чтобы она совсем не проявляла признаков жизни, да все же боялся в этом признаться. Разве что, представляя себе (забираясь на Машу) черт знает что.

Впрочем, воображением Фрунзик славился еще со школьных лет, когда отчего-то сначала выдумал, а потом так уверовал в историю про то, как учитель музыки Ованес Каримович живет с лошастью, что рассказал о том кому-то из своих одноклассников. Причем он словно и не хотел рассказывать, а черт его дернул сначала "признаться в тайне" одному мальчику, потом другому. И через время уже как бы обнаружилось, что об этом "знала" вся школа. И, конечно же, дошло до самого учителя. И Фрунзика перевел папа в другую школу. А еще заставил в течении целого лета пасти овец (до этого он на один поток - 21 день - покупал мальчику путевку в пионерский лагерь).

Впрочем, времени уже прошло много. Хотя и Фрунзик изменился весьма относительно. Разве что границы фантазийной мысли его значительно расширились. Хотя и о том, о чем он мыслил сейчас - говорить Фрунзику было неудобно. Да и запутанно все было. Ведь это бросив только самый поверхностный взгляд можно было сказать, что мысли Фрунзика были о сексе. На самом деле все было значительно шире, чем это можно было представить раньше. Хотя он, конечно, и опасался в чем-то признаваться хоть кому-то. Разве что в период таких раздумий стал значительно больше пользоваться Машей. Куклой Машей.

Ведь Маша действительно была кукла. А остальное все Фрунзик выдумал.

Фрунзик Гаранян на самом деле обращался с Машей как живой.

--Наверное, он даже и не считал, что она лишь кукла,-- предположил кто-то из знавших и Фрунзика и Машу.

А Фрунзик стеснялся признаться, что он и действительно не считал. Ведь где он еще мог найти такой вариант в жизни - чтобы с ним рядом жила женщина на полном подчинении у него. И при этом была всегда красива и ухожена, и каждый день в любом месяце согласна и готова на все.

Не существовало таких женщин, знал Фрунзик. Потому как это только казалось, что в 24 года он мог быть еще глуп да малоопытен.

На самом деле это было не совсем так. И самое главное, что каким-то образом Фрунзик открыл истину. И не стремился этой истиной с кем-то делиться. Зная, что все равно не поверят. Да еще обсмеют, нахамят, запишут в извращенцы.

А он просто жил. И был счастлив.

Сергей Зелинский

29.11.2007 год.

© С.А.Зелинский. Полет фантазии.

